

СЕНЕКА. МАРК АВРЕЛИЙ. ЭПИКТЕТ

О СТОЙКОСТИ МУДРЕЦА

Кофе с мудрецами

Марк Аврелий Антонин
О стойкости мудреца (сборник)

«РИПОЛ Классик»

III-II вв. до н. э.

УДК 82'01
ББК 83.3(0)3

Антонин М.

О стойкости мудреца (сборник) / М. Антонин — «РИПОЛ
Классик», III-II вв. до н. э. — (Кофе с мудрецами)

ISBN 978-5-386-09857-5

Стоицизм – поистине уникальная философская школа: зародившись в III–II веке до н. э., она увлекает и наших современников. В этой книге вы познакомитесь с ярчайшими мыслями одних из лучших представителей стоицизма. «В чем наше благо?» Эпиктета, древнегреческого философа, побывавшего рабом и получившего свободу за свою мудрость, трактат «Наедине с собой» его блестящего последователя Марка Аврелия, римского императора и философа, а также два размышления «О блаженной жизни» и «О стойкости мудреца» третьего великого римского стоика Сенеки, сумевшего сохранить достоинство на службе у двух самых лютых тиранов Рима, Калигулы и Нерона, раскроют перед вами глубину и силу человеческого духа.

УДК 82'01
ББК 83.3(0)3

ISBN 978-5-386-09857-5

© Антонин М., III-II вв. до н. э.
© РИПОЛ Классик, III-II вв. до н. э.

Содержание

Сенека	6
О блаженной жизни	6
Глава I	6
Глава II	7
Глава III	7
Глава IV	8
Глава V	9
Глава VI	9
Глава VII	9
Глава VIII	10
Глава IX	11
Глава X	11
Глава XI	12
Глава XII	13
Глава XIII	13
Глава XIV	14
Глава XV	14
Глава XVI	15
Глава XVII	16
Глава XVIII	16
Глава XIX	17
Глава XX	17
Глава XXI	18
Глава XXII	19
Глава XXIII	19
Глава XXIV	20
Глава XXV	21
Глава XXVI	22
Глава XXVII	23
Глава XXVIII	24
О стойкости мудреца, или о том, что мудреца нельзя ни обидеть, ни оскорбить	25
Марк Аврелий	37
Наедине с собой	37
Книга первая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сенека, Марк Аврелий, Эпиктет О стойкости мудреца

© Бородай Т.Ю., перевод на русский язык, комментарии, 2017

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

Сенека

О блаженной жизни

К брату Галлиону

Глава I

1. Все, брат Галлион¹, желают жить счастливо, но никто не знает верного способа сделать жизнь счастливой. Достичь счастливой жизни трудно, ибо чем быстрее старается человек до нее добраться, тем дальше от нее оказывается, если сбился с пути; ведь чем скорее бежишь в противоположную сторону, тем дальше будешь от цели. Итак, прежде всего следует выяснить, что представляет собой предмет наших стремлений; затем поискать кратчайший путь к нему и уже по дороге, если она окажется верной и прямой, прикинуть, сколько нам нужно проходить в день и какое примерно расстояние отделяет нас от цели, которую сама природа сделала для нас столь желанной.

2. До тех пор пока мы бродим там и сям, пока не проводник, а разноголосый шум кидających во все стороны толп указывает нам направление, наша короткая жизнь будет уходить на заблуждения, даже если мы день и ночь станем усердно трудиться во имя благой цели. Вот почему необходимо точно определить, куда нам нужно и каким путем туда можно попасть; нам не обойтись без опытного проводника, знакомого со всеми трудностями предстоящей дороги, ибо это путешествие не чета прочим: там, чтобы не сбиться с пути, достаточно выйти на наезженную колею или расспросить местных жителей; а здесь чем дорога накатанней и многолюдней, тем вернее она заведет не туда.

3. Значит, главное для нас – не уподобляться овцам, которые всегда бегут вслед за стадом, направляясь не туда, куда нужно, а туда, куда все идут. Нет на свете вещи, навлекающей на нас больше зол и бед, чем привычка сообразовываться с общественным мнением, почитая за лучшее то, что принимается большинством и чему мы больше видим примеров; мы живем не разумением, а подражанием. Отсюда эта вечная давка, где все друг друга толкают, стараясь оттеснить.

4. И как при большом скоплении народа случается иногда, что люди гибнут в давке (в толпе ведь не упадешь, не увлекая за собой другого, и передние, спотыкаясь, губят идущих сзади), так и в жизни, если приглядеться, всякий человек, ошибившись, прямо или косвенно вводит в заблуждение других; поистине вредно тянуться за идущими впереди, но ведь всякий предпочитает принимать на веру, а не рассуждать; и насчет собственной жизни у нас никогда не бывает своих суждений, только вера; и вот передаются из рук в руки одни и те же ошибки, а нас все швыряет и вертит из стороны в сторону. Нас губит чужой пример; если удастся хоть на время выбраться из людского скопища, нам становится гораздо лучше.

5. Вопреки здравому смыслу народ всегда встает на защиту того, что несет ему беды. Так случается на выборах в народном собрании: стоит переменчивой волне популярности откатиться, и мы начинаем удивляться, каким образом проскочили в преторы² те люди, за которых

мы сами только что проголосовали. Одни и те же вещи мы то одобряем, то порицаем; в этом неизбежный недостаток всякого решения, принимаемого большинством.

Глава II

1. Раз уж мы повели разговор о блаженной жизни, я прошу тебя, не отвечай мне, как в сенате, когда отменяют обсуждение и устраивают голосование: «На этой стороне явное большинство». – Значит, именно эта сторона хуже. Не настолько хорошо обстоят дела с человечеством, чтобы большинство голосовало за лучшее: большая толпа приверженцев всегда верный признак худшего.

2. Итак, попробуем выяснить, как поступать наилучшим образом, а не самым общепринятым; будем искать то, что наградит нас вечным счастьем, а не что одобрено чернью – худшим толкователем истины. Я зову чернью и носящих хламиду³ и венценосцев; я не гляжу на цвет одежды, покрывающей тела, и не верю глазам своим, когда речь идет о человеке. Есть свет, при котором я точнее и лучше смогу отличить подлинное от ложного: только дух может открыть, что есть доброго в другом духе.

Если бы у нашего духа нашлось время передохнуть и прийти в себя, о как возопил бы он, до того сам себя замучивший, что решился бы наконец сказать себе чистую правду:

3. «Как бы я хотел, чтобы все, что я сделал, осталось несодеянным! Как я завидую немому, когда вспоминаю все, что когда-либо произнес! Все, чего я желал, я пожелал бы теперь своему злейшему врагу. Все, чего я боялся – благие боги! – насколько легче было бы вынести это, чем то, чего я жаждал! Я враждовал со многими и снова мирился (если можно говорить о мире между злодеями); но никогда я не был другом самому себе. Всю жизнь я старался выделиться из толпы, стать заметным благодаря какому-нибудь дарованию, и что же вышло из того? – я только выставил себя мишенью для вражеских стрел и предоставил кусать себя чужой злобе.

4. Посмотри, сколько их, восхваляющих твое красноречие, толпящихся у дверей твоего богатства, старающихся подольститься к твоей милости и до неба превознести твое могущество. И что же? Все это либо действительные, либо возможные враги: сколько вокруг тебя восторженных почитателей, ровно столько же, считай, и завистников. Лучше бы я искал что-нибудь полезное и хорошее для себя, для собственного ощущения, а не для показа. Вся эта мишура, которая смотрится, на которую оборачиваются на улице, которой можно хвастать друг перед другом, блестит лишь снаружи, а внутри жалка».

Глава III

1. Итак, будем искать что-нибудь такое, что было бы благом не по внешности, прочное, неизменное и более прекрасное изнутри, нежели снаружи; попробуем найти это сокровище и откопать. Оно лежит на поверхности, всякий может отыскать его; нужно только знать, куда протянуть руку. Мы же словно в кромешной тьме проходим рядом с ним, не замечая, и часто набиваем себе шишки, спотыкаясь о то, что мечтаем найти.

2. Я не хочу вести тебя длинным кружным путем и не стану излагать чужих мнений на этот счет: их долго перечислять и еще дольше разбирать. Выслушай наше мнение. Только не подумай, что «наше» – это мнение кого-то из маститых стоиков, к которому я присоединяюсь, дозволено и мне иметь свое суждение. Кого-то я, наверное, повторю, с кем-то соглашусь отчасти; а может быть, я, как последний из вызываемых на разбирательство судей, скажу, что мне нечего возразить против решений, вынесенных моими предшественниками, но я имею кое-что добавить от себя.

3. Итак, прежде всего я, как это принято у всех стоиков, за согласие с природой: мудрость состоит в том, чтобы не уклоняться от нее и формировать себя по ее закону и по ее примеру.

Следовательно, блаженная жизнь – это жизнь, сообразная своей природе. А как достичь такой жизни? Первейшее условие – это полное душевное здоровье, как ныне, так и впредь; кроме того, душа должна быть мужественной и решительной; в-третьих, ей надобно отменное терпение, готовность к любым переменам; ей следует заботиться о своем теле и обо всем, что его касается, не принимая этого слишком близко к сердцу; со вниманием относиться и ко всем прочим вещам, делающим жизнь красивее и удобнее, но не преклоняться перед ними – словом, нужна душа, которая будет пользоваться дарами фортуны, а не рабски служить им.

4. Я могу не прибавлять – ты и сам догадаешься, что это дает нерушимый покой и свободу, изгоняя все, что страшило нас или раздражало; на место жалких соблазнов и мимолетных наслаждений, которые не то что вкушать, а и понюхать вредно, приходит огромная радость, ровная и безмятежная, приходит мир, душевный лад и величие, соединенное с кротостью; ибо всякая дикость и грубость происходят от душевной слабости.

Глава IV

1. Наше благо можно определить и иначе, выразив ту же мысль другими словами. Подобно тому как войско может сомкнуть ряды или развернуться, построиться полукругом, выставив вперед рога, или вытянуться в прямую линию, но численность его, боевой дух и готовность защищать свое дело останутся неизменными, как бы его ни выстроили; точно так же и высшее благо можно определить и пространно и в немногих словах.

2. Так что все дальнейшие определения обозначают одно и то же. «Высшее благо есть дух, презирающий дары случая и радующийся добродетели» или: «Высшее благо есть непобедимая сила духа, многоопытная, действующая спокойно и мирно, с большой человечностью и заботой о ближних». Можно и так определить: блажен человек, для которого нет иного добра и зла, кроме доброго и злого духа, кто бережет честь и довольствуется добродетелью, кого не заставит ликовать удача и не сломит несчастье, кто не знает большего блага, чем то, которое он может даровать себе сам; для кого истинное наслаждение – это презрение к наслаждениям.

3. Если хочешь еще подробнее, можно, не искажая смысла, выразить то же самое иначе. Что помешает нам сказать, например, что блаженная жизнь – это свободный, устремленный ввысь, бесстрашный и устойчивый дух, недостижимый для боязни и вожделения, для которого единственное благо – честь, единственное зло – позор, а все прочее – куча дешевого барахла, ничего к блаженной жизни не прибавляющая и ничего от нее не отнимающая; высшее благо не станет лучше, если случай добавит к нему еще и эти вещи, и не станет хуже без них.

4. Это благо по сути своей таково, что вслед за ним по необходимости – хочешь не хочешь – приходят постоянное веселье и глубокая, из самой глубины бьющая радость, наслаждающаяся тем, что имеет, и ни от кого из ближних своих и домашних не желающая большего, чем они дают. Разве это не стоит больше, чем ничтожные, нелепые и длящиеся всего какой-то миг движения нашего жалкого тела? Ведь в тот самый день, когда тело уступит наслаждению, оно окажется во власти боли; ты видишь, сколь тягостное и злое рабство ожидает того, над кем по очереди станут властвовать наслаждение и боль – самые капризные и своевольные господа? Во что бы то ни стало нужно найти свободу.

5. Единственное, что для этого требуется, – пренебречь фортуной; тогда душа, освободившись от тревог, успокоится, мысли устремятся ввысь, познание истины прогонит все страхи, и на их место придет большая и неизменная радость, дружелюбие и душевная теплота; все это будет весьма приятно, хоть это и не само по себе благо, а то, что ему сопутствует.

Глава V

1. И раз уж я решил не скупиться на слова, то могу еще назвать блаженным того, кто благодаря разуму ничего не желает и ничего не боится. Правда, камни тоже не ведают ни страха, ни печали, равно как и скоты; однако их нельзя назвать счастливыми, ибо у них нет понятия о счастье.

2. Сюда же можно причислить и тех людей, чья природная тупость и незнание самих себя низвели их до уровня скотов и неодушевленных предметов. Между теми и другими нет разницы, ибо последние вовсе лишены разума, а у первых он направлен не в ту сторону и проявляет сообразительность лишь себе же во вред и там, где не надо бы. Никто, находящийся за пределами истины, не может быть назван блаженным.

3. Итак, блаженна жизнь, утвержденная раз и навсегда на верном и точном суждении и потому не подвластная переменам. Лишь в этом случае душа чиста и свободна от зол, а такая душа избежит не только ран, но даже царапин; устоит там, где встала однажды, и защитит свой дом, когда на него обрушатся удары разгневанной судьбы.

4. Что же касается наслаждения, то пусть оно затопит нас с головы до ног, пусть льется на нас отовсюду, расслабляя душу негой и ежечасно представляя новые соблазны, возбуждающие нас целиком и каждую часть тела в отдельности, но кто из смертных, сохранивших хоть след человеческого облика, захочет, чтобы его день и ночь напролет щекотали и возбуждали? Кто захочет совсем отказаться от духа, отдавшись телу?

Глава VI

1. Мне возразят, что дух, мол, тоже может получать свои наслаждения. Конечно, может; он может сделаться судьей в наслаждениях роскоши и сладострастия, он может сделать своим содержанием то, что обычно составляет предмет чувственного удовольствия; он может задним числом смаковать прошедшие наслаждения, возбуждаясь памятью уже угасших вожделений, и предвкушать будущие, рисуя подробные картины, так что пока пресыщенное тело неподвижно лежит в настоящем, дух мысленно уже спешит к будущему пресыщению. Все это, однако, представляется мне большим несчастьем, ибо выбрать зло вместо добра – безумие. Блаженным можно быть лишь в здравом рассудке, но явно не здоров стремящийся к тому, что его губит.

2. Итак, блажен тот, чьи суждения верны; блажен, кто доволен тем, что есть, и в ладу со своей судьбой; блажен тот, кому разум диктует, как себя вести.

Глава VII

1. Те, кто утверждает, будто высшее благо именно в наслаждениях, не могут не видеть, что оно у них оказывается не слишком возвышенным. Вот почему они настаивают, что наслаждение неотъемлемо от добродетели и что честная жизнь не может не быть приятной, а приятная также и честной. Я, признаться, не вижу, каким образом можно объединить вещи столь различные. Умоляю, объясните, почему нельзя отделить наслаждение от добродетели? Видимо, раз добродетель есть источник всех благ, из того же корня берет начало и все то, что вы любите и чего добиваетесь? Однако если бы они и в самом деле были нераздельны, нам не приходилось бы встречать вещей приятных, но позорных, и наоборот, вещей достойнейших, но трудных и достижимых лишь путем скорбей.

2. Добавь к этому, что жажда наслаждений доводит до позорнейшей жизни; добродетель же, напротив, дурной жизни не допускает; что есть люди несчастные не из-за отсутствия наслаждений, а из-за их обилия, чего не могло бы случиться, если бы добродетель была непременно

ной частью наслаждения, ибо добродетель часто обходится без удовольствия, но никогда не бывает лишена его совершенно.

3. С какой стати вы связываете вещи столь несхожие и даже более того: противоположные? Добродетель есть нечто высокое, величественное и царственное; непобедимое, неутомимое; наслаждение же нечто низменное, рабское, слабое и скоропреходящее, чей дом в притоне разврата и любимое место в кабаке. Добродетель ты встретишь в храме, на форуме, в курии, на защите городских укреплений; пропыленную, раскрасневшуюся, с руками в мозолях. Наслаждение чаще всего шатается где-нибудь возле бань и парилен, ища укромных мест, где потемнее, куда не заглядывает городская стража; изнеженное, расслабленное, насквозь пропитанное неразбавленным вином и духами, зеленовато-бледное либо накрашенное и наруганное, как приготовленный к погребению труп.

4. Высшее благо бессмертно, оно не бежит от нас и не несет с собой ни пресыщения, ни раскаяния, ибо верно направленная душа не кидается из стороны в сторону, не отступает от правил наилучшей жизни и потому не становится сама себе ненавистна. Наслаждение же улетучивается в тот самый миг, как достигает высшей точки; оно невместительно и потому быстро наполняется, сменяясь тоскливым отвращением; после первого взрыва страсти оно умирает, вялое и расслабленное. Да и как может быть надежным то, чья природа – движение? Откуда возьмется устойчивость (substantia) в том, что мгновенно приходит и уходит, обреченное погибнуть, как только его схватят, ибо, увеличиваясь, оно иссякает и с самого своего начала устремляется к концу?

Глава VIII

1. Я бы сказал, что наслаждение не чуждо ни добрым, ни злым и что подлецы получают не меньшее удовольствие от своих подлостей, чем честные люди от выдающихся подвигов. Вот почему древние учили стремиться к жизни лучшей, а не приятнейшей. Наслаждение должно быть не руководителем доброй воли, указывающим ей верное направление, а ее спутником. В руководители же нужно брать природу: ей подражает разум, с ней советуется.

2. Итак, блаженная жизнь есть то же самое, что жизнь согласно природе. Что это такое, я сейчас объясню: если все наши природные способности и телесные дарования мы станем бережно сохранять, но в то же время не слишком трястись над ними, зная, что они даны нам на один день и их все равно не удержать навсегда; если мы не станем по-рабски служить им, отдавая себя в чужую власть; если все удачи и удовольствия, выпадающие на долю нашего тела, займут у нас подобающее место, какое в военном лагере занимают легковооруженные и вспомогательные войска, то есть будут подчиняться, а не командовать, – тогда все эти блага пойдут на пользу душе.

3. Блажен муж, не подвластный растлению извне, восхищающийся лишь собою, полагающийся лишь на собственный дух и готовый ко всему; его уверенность опирается на знание, а его знание – на постоянство; суждения его неизменны, и решения его не знают исправлений. Без слов понятно, что подобный муж будет собранным и упорядоченным, и во всех делах своих будет велик, но не без ласковости.

4. Разум побуждается к исследованию раздражающими его чувствами. Пусть так: у него ведь нет другого двигателя, и только чувства дают ему толчок, заставляя двинуться к истине. Но беря свое начало в чувственности, он должен в конце вернуться к самому себе. Точно так же устроен и мир: этот всеобъемлющий бог и правитель Вселенной устремлен вроде бы наружу, однако отовсюду вновь возвращается в самого себя. Так должна поступать и наша душа: следуя своим чувствам, она достигнет с их помощью внешнего мира, но при этом должна остаться госпожой и над собой, и над ними.

5. Именно таким образом может быть достигнуто в человеке согласное единство сил и способностей, и тогда родится тот разум, который не будет знать внутренних разногласий и колебаний во мнениях, восприятиях и убеждениях; которому достаточно будет раз и навсегда себя упорядочить, чтобы его части согласовались друг с другом и, если можно так выразиться, спелись, и он достигнет высшего блага. Ибо в нем не останется неправды и соблазна, он не будет наталкиваться на препятствия и оскальзываться на сомнениях.

6. Все его дела будут диктоваться лишь его собственной властью, и непредвиденных случайностей для него не будет; все его предприятия легко и непринужденно будут обращаться к благу, а сам предприниматель никогда не покажет спины, изменяя благим решениям, ибо колебания и лень – это проявления непостоянства и внутренней борьбы. А посему смело можешь заявлять, что высшее благо есть душевное согласие, ибо добродетели должны быть там, где лад и единство, а где разлад – там пороки.

Глава IX

1. Но ты сам, наверное, чтешь добродетель только потому, что надеешься извлечь из нее какое-то наслаждение, могут мне возразить. Прежде всего я отвечу вот что: если добродетель и приносит наслаждение, достичь ее стремятся не ради этого. Неверно было бы сказать, что она приносит наслаждение; вернее, приносит в том числе и его; не ради него она обрекает себя на труды и страдания, но в результате ее трудов, хотя и преследующих иную цель, получается между прочим и оно.

2. Подобно тому как на засеянной хлебом пашне меж колосьев всходят цветы, но не ради них предприняли свой труд пахарь и сеятель, хоть цветы и радуют глаз; цель их была – хлеб, а цветы – случайное добавление. Точно так же и наслаждение – не причина и не награда добродетели, а нечто ей сопутствующее; оно не признается чем-то хорошим только оттого, что доставляет удовольствие; напротив, добродетельному человеку оно доставляет удовольствие, только если будет признано хорошим.

3. Высшее благо заключено в самом суждении и поведении совершенно доброй души: после того как она завершила свой путь и замкнулась в собственных границах, достигнув высшего блага, она уже не желает ничего более, ибо вне целого нет ничего, так же как нет ничего дальше конца.

4. Так что ты напрасно доискиваешься, ради чего я стремлюсь к добродетели: это все равно что спрашивать, что находится выше самого верха. Тебя интересует, что я хочу извлечь из добродетели? Ее саму. Да у нее и нет ничего лучшего, она сама себе награда. Разве этого мало? Вот я говорю тебе: «Высшее благо есть несокрушимая твердость духа, способность предвидения, возвышенность, здравый смысл, свобода, согласие, достоинство и красота», – а ты требуешь чего-то большего, к чему все это служило бы лишь приложением. Что ты все твердишь мне о наслаждении? Я ищу то, что составляет благо человека, а не брюха, которое у скотов и хищников гораздо вместительнее.

Глава X

1. «Ты извращаешь мои слова, – заявит мой собеседник. Я утверждаю, что никто не может сделать свою жизнь по-настоящему приятной, если не будет жить честно, а это уже не может быть отнесено к бессловесным животным, для которых благо измеряется количеством пищи. Я недвусмысленно и во всеуслышание объявляю, что та жизнь, которую я зову приятной, не может быть достигнута без добродетели».

2. Помилуй, да ведь все знают, что полнее всего упиваются вашими так называемыми наслаждениями самые непроходимые дураки; что подлость купается в удовольствиях; что дух,

поспешая за телом, придумывает для себя множество новых извращенных наслаждений. Вот лишь некоторые из них: чванство и преувеличенная самооценка, напыщенность, возносящая себя над окружающими, слепая любовь ко всему, что имеет отношение ко мне лично; погоня за радостями и разболтанность; ни с чем не соразмерный ребячливый восторг по поводу пустяков и мелочей; болтливость и высокомерие; удовольствие оскорблять других; праздная распушенность обленившегося духа, который свернулся клубочком и сам в себе заснул.

3. Всю эту дремоту добродетель с него стряхивает, больно дергая его за ухо и напоминая, что наслаждение следует сперва оценить и лишь потом допускать к себе; наслаждения, которые нельзя одобрить, не имеют в ее глазах цены; но и все прочие она допускает с большой осторожностью, получая радость не от самого наслаждения, а от своей в нем умеренности. Но ведь умеренность, уменьшая наслаждения, тем самым наносит ущерб и высшему благу! Ну что же: ты стремишься поймать наслаждение, а я – укротить его и обуздать; ты упиваешься удовольствием, я его использую; ты считаешь его высшим благом, для меня оно вовсе не благо; ты делаешь ради удовольствия все, я – ничего.

Глава XI

1. Когда я говорю, что я ничего не делаю ради удовольствия, то имею в виду не себя лично, а мудреца, того самого, кто, по-твоему, единственный может испытывать настоящее наслаждение. Я же называю мудрецом того, над кем нет господина, и в первую очередь как раз того, кем не командует наслаждение, ибо как может занятый им человек выстоять среди трудов и нужды, среди опасностей и угроз, со всех сторон с грохотом надвигающихся на человеческую жизнь? Как может он глядеть в лицо смерти, как перенесет боль и скорби? Как встретит мировые потрясения и полчища ожесточенных неприятелей тот, над кем одержал победу столь изнеженный противник? «Но он свершит все, что повелит ему наслаждение». Будто ты сам не знаешь, что может повелеть наслаждение.

2. «Оно не может повелеть ничего недостойного, ибо неотделимо от добродетели». Всмотрись еще раз внимательно: разве ты не видишь, что высшее благо нуждается в страже, чтобы оставаться благом вообще? А как добродетель будет управлять наслаждением, если будет ему следовать? Ведь следовать – дело подчиненного, а управлять – дело властителя. То, что должно властвовать, ты помещаешь сзади. Хорошенькую же роль играет у вас добродетель, обязанная, как рабыня, опробовать наслаждения перед подачей на стол!

3. Мы еще увидим впоследствии, сохраняется ли вообще добродетель у тех, кто так ее унижает, ибо, сдавая позиции, она теряет право называться своим именем; покамест же я, в ответ на твое возражение, приведу тебе множество примеров людей, помешанных на наслаждениях, осыпанных всевозможными дарами фортуны, но кого даже ты принужден будешь признать людьми далекими от добродетели.

4. Взгляни хотя бы на Номентана и Апиция⁴, «переваривающих все, как они выражаются, дары земли и моря; взгляни, как они высоко возлежат на розовых лепестках, обозревая свою кухню, и у себя на столе изучают животных всех стран. Уши их при этом услаждаются музыкой, глаза зрелищами, нёбо – всевозможными вкусами. Кожу щекочат мягкие, нежно согревающие ткани, а дабы ноздри не оставались тем временем не у дел, разнообразные ароматы пропитывают помещение, где дается пир в честь роскоши, словно в честь усопшего родителя. Скажи, разве не купаются эти люди в наслаждениях? А в то же время добра им это не принесет, ибо не добру они радуются.

Глава XII

1. Ты скажешь: «Да, им будет плохо, ибо в их жизнь постоянно будут вторгаться обстоятельства, смущающие их дух, а противоречивые мнения будут вселять в душу тревогу». Все это верно, я согласен, и тем не менее взбалмошные глупцы, ничем не защищенные от укулов раскаяния, вкушают великие наслаждения, и приходится признать, что с тяжестью страданий они познакомятся не раньше, чем со здравомыслием, что они безумны веселым безумием, как, впрочем, и большинство людей, и бред их выражается в хохоте.

2. У мудрецов же, напротив, наслаждения тихи, умеренны, сдержанны, почти что вялы, едва заметны; они, как незваные гости, принимаются хозяевами без почестей и без особых изъявлений радости; их кое-где подмешивают в жизнь в небольших количествах, как чередуют изредка серьезные дела с играми и шутками.

Глава XIII

1. Пора перестать совмещать несовместное, объединяя добродетель с наслаждением: дело это скверное, и ничего, кроме лести последним негодьям, из него не получится. Человек, потонувший в наслаждениях, вечно икающий, рыгающий и пьяный, знает, что не может жить без удовольствий, а потому верит, что живет добродетельно, ибо он слышал, что наслаждение и добродетель неотделимы друг от друга; и вот он выставляет напоказ свои пороки, которые следовало бы спрятать от глаз подальше, под вывеской «Мудрость».

2. Собственно, не Эпикур побуждает их предаваться излишествам роскоши: преданные лишь собственным порокам, они спешат прикрыть их плащом философии и со всех сторон бегут туда, где слышат похвалу наслаждению. Они не в состоянии оценить, насколько трезво и сухо то, что зовет наслаждением Эпикур (по крайней мере я, клянусь Геркулесом, именно так его понимаю); они слетаются на звук самого имени, ища надежного покровительства и прикрытия своим вожделениям.

3. Таким образом, они теряют единственное благо, которое было у них среди многих зол: способность стыдиться своих грехов. Теперь они превозносят то, за что вчера краснели, и громко хвастаются пороками. А из-за этого и подрастающее поколение сбивается с пути, ибо позорная праздность получила отныне почетное звание. Вот отчего ваше восхваление наслаждения столь губительно; достойные наставления преподаются у вас шепотом в стенах школы, а разлагающие изречения красуются на виду.

4. Сам-то я считаю – и в этом расхожусь со своим и коллегами, – что учение Эпикура свято и правильно, а если подойти к нему поближе, то и весьма печально; его наслаждение мало, сухо и подчинено тому закону, какой мы предписываем добродетели: оно должно повиноваться природе; а того, чем довольствуется природа, никогда не хватит для роскоши.

5. Что же получается? Всякий, кто зовет счастьем праздное безделье с поочередным удовлетворением вожделений похоти и чрева, ищет добрый авторитет для прикрытия дурных дел, находит его, привлеченный соблазнительным названием, и отныне считает свои пороки исполнением философских правил, хотя наслаждения его не те, о каких он здесь услышал, а те, какие он принес сюда с собой; зато теперь он предается им без опаски и не таясь. Большинство наших называют школу Эпикура наставницей в гнусностях; я же скажу так: у нее незаслуженно дурная репутация.

6. Кто, кроме посвященных, может знать наверняка? Она сама так убрала свой фасад, чтобы дать повод к сплетням и возбуждать опасения. Она подобна доблестному мужу, одетому в женскую столу: стыдливость не нарушена, мужественность не оскорблена, тело не открыто

для взоров нечистой страсти, но в руке тимпан. Следовало бы выбрать более пристойную вывеску, чтобы она сама возбуждала дух к добродетели; та, что висит сейчас, зазывает пороки.

7. Всякий, устремившийся к добродетели, являет собой пример благородной природы; приверженец наслаждения предстает безвольным, сломленным, лишенным мужественности вырожденцем, которому суждено скатиться на самое позорное дно, если кто-нибудь не научит его различать наслаждения и он не узнает, какие из них не выходят за рамки естественных желаний, а какие – беспредельны и увлекают в пропасть, ибо чем больше их насыщают, тем ненасытнее они становятся.

Глава XIV

1. Ну, ничего, лишь бы впереди у нас шла добродетель, тогда любая дорожка будет безопасна! Чрезмерное наслаждение вредно, а чрезмерной добродетельности опасаться не приходится, ибо она сама есть мера; не может быть благом то, что проигрывает от большого размера. Кроме того: вам в удел досталась разумная природа; что же может быть для вас лучше разума? Но если вам так уж мило это соединение, если вы не согласны идти к блаженной жизни без обоих сразу, то пусть добродетель идет впереди, а наслаждение – следом, увиваясь, словно тень, вокруг нашего тела; но отдавать добродетель, высочайшую вещь на свете, в служанки наслаждению немислимо для того, чей дух в состоянии постигать не только ничтожные предметы.

2. Пусть добродетель шагает впереди со знаменами; наслаждение никуда от нас не денется, зато мы окажемся его командирами и укротителями; оно всегда сможет выпросить у нас уступку – но не сможет вынудить. Те же, кто передаст бразды правления наслаждению, лишатся обоих: они упустят добродетель и не смогут удержать наслаждения, ибо отныне оно само будет держать их; они будут то терзаться его недостатком, то задыхаться от его обилия, несчастные, если оно их покинет, еще несчастнее – если обрушится на них; подобно морякам, сбившимся с пути в Сиртском море⁵ они будут оказываться то на мели, то в потоке бушующих волн.

3. А происходит все это от невоздержности и слепой любви к удовольствию; кто принимает дурное за хорошее, тому опаснее всего успех в достижении желанного. Подобно тому как мы с великими трудами и опасностью для жизни охотимся на диких зверей, но последующее обладание ими приносит не меньше хлопот, и плененному зверю нередко случается растерзать своего хозяина, точно так же и обладатели наслаждений попадают в великую беду, делаясь собственностью того, чем, казалось, обладали. И чем больше, чем сильнее наслаждения, тем ничтожнее и мельче их бывший хозяин, а ныне раб многих господ, тот самый, кого чернь величает счастливецом.

4. Продолжу сравнение: охотник, для которого нет ничего дороже, чем выслеживать звериные логовища и «арканить хищников петлей», «сворой собак окружая обширные дебри»⁶, чтобы не сбиться со следа, бросает ради этого более важные дела и пренебрегает своими обязанностями; точно так же охотник за наслаждениями откладывает все остальное и в первую очередь пренебрегает свободой: ею он платит за удовольствия живота, но в результате не он покупает себе наслаждения, а они покупают себе его.

Глава XV

1. «Однако что же все-таки мешает объединить добродетель и наслаждение и устроить высшее благо таким образом, чтобы честное и приятное было одно и то же?» Ни одна составная часть чести не может быть бесчестной, и высшее благо утратит свою подлинность, если в нем окажется хоть что-то не вполне наилучшее.

2. Даже радость, порождаемая добродетелью, как она ни хороша, не может быть частью высшего блага, так же как покой и веселье, от каких бы прекрасных причин они ни возникали; все это, конечно, блага, но не из тех, что составляют высшее благо, а из тех, что ему сопутствуют.

3. Тот, кто попытается объединить добродетель и наслаждение, пусть даже и не на равных правах, привяжет к более прочному благу более хрупкое, надеясь его упрочить, после чего оба станут шаткими; а на свободу свою, непобедимую до тех пор, пока для нас нет ничего дороже ее, он наденет ярмо рабства. Ибо ему сразу понадобится фортуна; но нет рабства горшего! Жизнь его отныне наполнится тревогой, подозрениями, страхом; он будет трепетать от любого случая, и каждое из сменяющих друг друга мгновений будет таить в себе угрозу.

4. Ты не хочешь водрузить добродетель на твердое, неподвижное основание; ты оставляешь ей лишь шаткую почву под ногами, ибо нет ничего более шаткого и ненадежного, чем надежда на случай, чем изменчивое тело со всеми его способностями и потребностями. Как может человек повиноваться богу, как может благодушно принимать все, что бы с ним ни случилось, не жаловаться на судьбу и толковать все свои несчастья в лучшую сторону, если самые ничтожные уколы наслаждения или боли заставляют его содрогаться? Из него не выйдет ни добрый защитник родины, ни борец за своих друзей, если он покорился наслаждению.

5. Итак, высшее благо нужно поместить настолько высоко, чтобы никакая сила не могла его принизить, чтобы оно оказалось недостижимо для скорби, надежды и страха. На такую высоту способна подняться одна лишь добродетель. Лишь ее твердой поступи дано покорить эту вершину. Она выстоит, что бы ни случилось, перенося несчастья не просто терпеливо, но даже охотно, ибо она знает, что все трудности нашего временного существования – закон природы. Она, как добрый воин, будет спокойно принимать раны, считать шрамы и, если надо, умрет, пронзенная вражескими копьями, но полная любви к полководцу, ради которого пала; и всегда будет хранить в душе древнее наставление: «Следуй богу».

6. А кто жалуется, плачет и стонет, не желая выполнять приказаний, того заставляют силой и против воли волокут туда, куда нужно. Какое, однако, безумие не идти самому, а заставлять тащить себя волоком! Клянусь Геркулесом, какая глупость, какое непонимание своего положения – скорбеть оттого, что чего-то тебе не хватает или что выпала тебе жестокая доля; это, право же, не умнее, чем удивляться и возмущаться тем, что равно не минует плохих и хороших: болезнями, смертью, старческой слабостью и прочими превратностями человеческой жизни.

7. Есть вещи, которые нам положено терпеть, ибо таков порядок, установленный во вселенной; их нужно принимать не теряя присутствия духа: ведь мы принесли присягу – нести свою смертную участь и не расстраивать наших рядов из-за того, чего избежать не в нашей власти. Мы рождены под царской властью: повиноваться богу – наша свобода.

Глава XVI

1. Итак, истинное счастье – в добродетели. Какие советы даст тебе добродетель? Не считай ни дурным, ни хорошим того, что не имеет отношения к добродетели или пороку. Кроме того, будь непоколебим перед лицом зла и добра, дабы уподобиться богу, насколько это позволительно.

2. Какую награду она сулит тебе за это? Поистине огромную и божественную: ты не будешь знать ни принуждения, ни нужды; получишь свободу, безопасность, неприкосновенность; никаких тщетных попыток, никаких неудач: все, что ты задумал, будет получаться, исчезнут досадные случайности, препятствующие исполнению твоей воли и твоих планов.

3. Ну как? Достаточно добродетели для блаженной жизни? Ее одной – совершенной и божественной – может ли не хватить тебе, и даже с избытком? Да и чего может не хватать

тому, кто стоит по ту сторону всех желаний? Тому, кто все свое собрал в себе, что может понадобиться снаружи? Однако тому, кто еще только стремится к добродетели, даже если он уже далеко продвинулся на этом пути, еще нужна некоторая милость фортуны, пока он ведет борьбу в человеческом мире, пока он не выбрался из узла сковывающих его смертных пут. Оковы эти бывают разные: одни люди связаны, стянуты, даже целиком обмотаны тугой, короткой цепью; другие, уже поднявшись в горние области и воспарив ввысь, тянут за собой свою длинную, свободно отпущенную цепь: они тоже еще не свободны; это нам кажется, что они на воле.

Глава XVII

1. Кто-нибудь из любителей обляять философию может задать мне обычный у них вопрос: «Отчего же ты сам на словах храбрее, чем в жизни? Зачем заискиваешь перед вышестоящим и не брезгуешь деньгами, полагая их необходимым для тебя средством к существованию? Зачем переживаешь по поводу неприятностей и проливаешь слезы при вести о смерти жены или друга? Зачем дорожишь доброй славой и не остаешься равнодушен к злословию?»

2. Зачем твое имение ухожено более, чем требует природа? Почему твои обеды готовятся не по рецептам твоей философии? К чему столь пышное убранство в доме? И почему здесь пьют вино, которое старше тебя по возрасту? Зачем заводить вольеры для птиц? Зачем сажать деревья, не дающие ничего, кроме тени? Почему твоя жена носит в ушах целое состояние богатой семьи? Почему рабы, которых ты посылаешь в школу, одеты в драгоценные ткани? Для чего у тебя учреждено особое искусство прислуживать за столом, и серебро раскладывается не как попало, а строго по правилам, и заведена отдельная должность нарезателя закусок? К этому можно добавить, если хочешь, и много других вопросов: «Зачем тебе заморские владения, и вообще столько, что ты не можешь счесть? Ты не знаешь всех твоих рабов: это либо постыдная небрежность, если их мало, либо преступная роскошь, если их число превышает возможности человеческой памяти!»

3. Когда-нибудь после я сам присоединюсь к твоей брани и поставлю себе в вину больше, чем ты думаешь; покамест же я отвечу тебе вот что: «Я не мудрец и – пусть утешатся мои недоброжелатели – никогда им не буду. Поэтому не требуй от меня, чтобы я сравнялся с лучшими, я могу стать лишь лучше дурных. С меня довольно, если я каждый день буду избавляться от одного из своих пороков и бичевать свои заблуждения.

4. Я не выздоровел и, вероятно, никогда не буду здоров; против моей подагры я применяю больше болеутоляющие средства, чем исцеляющие, и радуюсь, если приступы повторяются реже и зуд слабеет; впрочем, по сравнению с вашими ногами я, инвалид, выгляжу настоящим бегуном». Разумеется, я говорю это не от своего лица – ибо сам я погряз на дне всевозможных пороков, – но от лица человека, которому уже удалось кое-что сделать.

Глава XVIII

1. «Ты живешь не так, как рассуждаешь», – скажете вы. О злопыхатели, всегда набрасывающиеся на лучших из людей! В том же обвиняли и Платона, Эпикура, Зенона, ибо все они рассуждали не о том, как живут, а о том, как им следовало бы жить. Я веду речь о добродетели, а не о себе; и если ругаю пороки, то в первую очередь мои собственные: когда смогу, я стану жить как надо.

2. Ваша ядовитая злоба не отпугнет меня от лучших образцов; яд, которым вы брызжете на других, которым медленно убиваете самих себя, не мешает мне упорно восхвалять ту жизнь, какую я не веду, но какую, я знаю, вести следует; не мешает преклоняться перед

добродетелью, пускай нас разделяет безмерное расстояние, и стараться приблизиться к ней, пусть даже ползком.

3. Стану ли я дожидаться, пока найдется человек, которого не посмеет оскорбить ваша злоба, не признающая священной неприкосновенности даже за Рутилием⁷ и Катон⁸? Стоит ли стараться не прослыть у вас чересчур богатым, если даже киник Деметрий⁹ для вас недостаточно беден? А ведь сей муж – образчик суровости – боролся против всех, даже естественных желаний и был беднее всех киников: они запрещали себе иметь, он запрещал и просить. И он-то для вас недостаточно нищий! А ведь нетрудно заметить, что не наука добродетели, а наука нищеты была главным делом его жизни.

Глава XIX

1. Эпикурейский философ Диодор несколько дней назад собственной рукой положил конец своей жизни; но они не хотят признать, что он перерезал себе глотку по завету Эпикура. Одни предпочитают видеть в его поступке проявление безумия, другие – необдуманность; в то время как это был человек блаженный и вполне доброй совести; он сам перед собой засвидетельствовал, что настала пора уходить из жизни, воздал хвалу покою, который он вкушал, проведя весь свой век на якоре в тихой гавани, и произнес слова, которые вам так неприятно слышать, как будто вас заставляют сделать то же самое: «Прожил довольно и путь, судьбою мне данный, свершил я»¹⁰.

2. Вы охотно рассуждаете о чужой жизни и чужой смерти; стоит упомянуть при вас имя какого-нибудь великого мужа, стяжавшего особую славу, как вы кидаетесь на него с лаем, словно деревенские дворняжки на незнакомого прохожего. Видно, вам выгодно, чтобы ни один человек не казался добрым, как будто чужая добродетель станет укором вашим недостаткам. Полные зависти, вы сравниваете свою грязь с чужим великолепием, не понимая, насколько этим вредите самим себе. В самом деле, если их, стремящихся только к добродетели, следует признать все же корыстными, распутными и тщеславными, то кем же окажетесь в сравнении с ними вы, для кого само имя добродетели ненавистно?

3. Вы утверждаете, что никто не соблюдает на деле того, что говорит, никто не живет согласно собственным поучениям. А что тут удивительного, когда говорится о вещах великих, требующих огромного напряжения сил, превышающего человеческие пределы? Пусть неудачны их попытки вырвать гвозди и освободиться от креста, на котором их распинают; но из вас-то каждый сам забивает себе гвозди. Когда их приводят на казнь, каждый из них повисает на одном-единственном столбе; а вы, сами себя ежедневно приговаривающие к казни, будете растянуты между столькими крестами, сколько у вас страстей. Просто вам приятно злословить и поносить других. Я бы, может, и поверил, что сами вы свободны от пороков, если бы мне не случилось наблюдать, как иные, уже висят на кресте, плюются в зрителей.

Глава XX

1. «Философы сами не соблюдают своих правил». – Они делают многое уж одним тем, что высказывают подобные правила, тем, что душа их занята достойными понятиями. Если бы дела их сравнились со словами, они достигли бы уже высших степеней блаженства. Но и без того не стоит презирать добрые речи и сердца, исполненные добрых помышлений. Предаваться спасительным занятиям само по себе достойно похвалы, независимо от результата.

2. Нужно ли удивляться, что, пытаясь взобраться по отвесной стене, они не достигают вершины? Если ты мужчина, уважай в других великие дерзания, даже когда они кончаются крахом. Это благородное дело: предпринимать попытки, сообразуясь не с собственными силами, а с возможностями своей природы; устремляться ввысь и вынашивать в душе планы столь гран-

диозные, что их не под силу осуществить даже тем, кто украшен величайшими духовными дарованиями.

3. Дай себе такие обеты: «Я изменюсь в лице, увидав смерть, не больше, чем услышав о ней. Я заставлю свое шаткое тело подчиняться Духу, скольких бы трудов и страданий это ни стоило. Я стану презирать богатство, которое у меня есть, и не пожелаю того, которого у меня нет; не огорчусь, если оно будет лежать в другом доме, не обрадуюсь, если заблещет вокруг меня. Я не стану переживать из-за капризов фортуны, приходит ли она ко мне или уходит. Я стану смотреть на все земли, как на мои собственные, и на мои, как на принадлежащие всем. Я стану жить так, будто знаю, что рожден для других, и возблагодарю природу вещей за это, ибо каким способом она могла бы лучше позаботиться о моих интересах? Одного меня она даровала всем, а всех – мне одному.

4. Имение свое я не стану ни стеречь с чрезмерной скаредностью, ни мотать направо и налево. Я стану считать, что полнее всего обладаю тем, что с умом подарил другому. Я не стану отмеривать свои благодеяния ни поштучно, ни на вес, меряя их лишь степенью моего уважения к получателю; вспомоществование достойному я никогда не сочту чрезмерным. Я не стану делать ничего ради мнения окружающих, но лишь ради собственной совести; о чем знаю я один, я стану делать так, будто на меня смотрит толпа народа.

5. Есть и пить я буду для того, чтобы утолить естественные желания, а не для того, чтобы то набивать, то освобождать брюхо. Приятный друзьям, кроткий и обходительный с врагами, я всегда буду идти навстречу людям, не заставляя себя упрашивать, и всегда исполню честную просьбу. Я буду знать, что моя отчизна – мир, мои покровители – боги, стоящие надо мной и вокруг меня, оценивающие дела мои и речи. В любой миг, когда природа потребует вернуть ей мое дыхание (spiritum) или мой собственный разум отпустит его к ней, я уйду, подтвердив под присягой, что всю жизнь любил чистую совесть и достойные занятия, что никогда ни в чем не ущемил ничьей свободы, и менее всего своей собственной». Тот, кто пообещает себе сделать это, кто действительно пожелает и попытается так поступать – тот на верном пути к богам; даже если ему не удастся пройти этот путь до конца, то «все ж он погиб, на великий отважившись подвиг...»¹¹

6. А вы, ненавистники добродетели и ее почитателей, – вы не изобрели ничего нового. Больные глаза не выносят солнца, ночные животные бегут от сияния дня, первые лучи солнца повергают их в оцепенение, и они спешат укрыться в свои норы, забиться в дыры и щели, лишь бы не видеть страшного для них света. Войте, скрежещите, упражняйте ваши несчастные языки в поношении добрых людей. Разевайте пасти, кусайте: вы скорее обломаете зубы, чем они заметят ваш укус.

Глава XXI

1. «Отчего этот приверженец философии так богато живет? Сам учит презирать богатство и сам же его имеет? Учит презирать жизнь, но живет? Учит презирать здоровье, но сам заботится о нем, как никто, и старается иметь возможно лучшее? Говорит, что изгнание – пустой звук: „Ибо что же дурного в перемене мест?“ – но сам предпочитает состариться на родине? Он заявляет, что не видит разницы между долгим и кратким веком, но отчего же тогда сам он мечтает о долгой здоровой старости и все силы приложит к тому, чтобы прожить подольше?»

2. Да, он утверждает, что все эти вещи следует презирать, но не настолько, чтобы не иметь их, а лишь настолько, чтобы иметь не тревожась; не так, чтобы самому гнать их прочь, но так, чтобы спокойно смотреть, как они уходят. Да и самой фортуны куда выгоднее помещать свои богатства? Конечно же, туда, откуда можно будет забрать их, не слушая жалобных воплей временного владельца.

3. Марк Катон всегда прославлял Курия¹² и Корункания¹³, да и весь тот век, когда несколько пластинок серебра составляли преступление в глазах цензора¹⁴; однако сам он имел сорок миллионов сестерциев, поменьше, конечно, чем Красс¹⁵, но поболее, чем Катон Цензор. От прадеда его в этом сопоставлении будет отделять значительно большее расстояние, чем от Красса, однако если бы ему вдруг достались еще богатства, он бы от них не отказался.

4. Дело в том, что мудрец вовсе не считает себя недостойным даров случая: он не любит богатство, однако предпочитает его бедности. Он принимает его, только не в сердце свое, а в дом. Он не отвергает с презрением того, что имеет, а оставляет у себя, полагая, что имущество составит вещественное подкрепление для его добродетели.

Глава XXII

1. Можно ли сомневаться, что богатство дает мудрецу гораздо более обильную материю для приложения способностей его духа, нежели бедность? Ведь бедность помогает упражняться лишь в одном роде добродетели: не согнуться и не дать себе прийти в отчаяние; богатство же предоставляет обширнейшее поле деятельности и для умеренности, и для щедрости, для аккуратности, распорядительности и великодушия.

2. Мудрец не станет стесняться своего маленького роста, но все же и он предпочел бы быть высоким и стройным. Конечно, мудрец может чувствовать себя прекрасно, имея хилое тело или лишившись глаза, однако он все же предпочел бы телесное здоровье и силу, хоть и знает, что у него есть сила значительно большая.

3. Он будет терпеливо сносить дурное здоровье, но желать себе будет доброго. Есть вещи с высшей точки зрения ничтожные; если отнять их, главное благо нисколько не пострадает; однако они добавляют кое-что к той непрерывной радости, что рождается из добродетели: богатство веселит мудреца и действует на него примерно так же, как на моряка – хороший попутный ветер, как погожий день, как солнце, вдруг пригревшее среди темной, морозной зимы.

4. Далее, все мудрецы – я имею в виду наших мудрецов, для которых единственное благо – добродетель, – признают, что и среди тех вещей, что зовутся безразличными, одни все же предпочтительнее других и даже имеют известную ценность. Некоторые из них довольно почтенны, другие почтенны весьма. И дабы ты не сомневался, уточню: богатство – вещь безусловно предпочтительная.

5. Тут ты, конечно, можешь воскликнуть: «Так что же ты надо мной издеваешься, если богатство означает для нас с тобой одно и то же?» – Нет, далеко не одно и то же; желаешь знать почему? Если мое уплывет от меня, то, кроме себя самого, ничего от меня не унесет. Тебя же это поразит; тебе будет казаться, что, потеряв состояние, ты потерял самого себя. В моей жизни богатство играет кое-какую роль; в твоей – главную. Одним словом, моим богатством владею я, твое богатство владеет тобой.

Глава XXIII

1. Итак, перестань корить философов богатством: никто не приговаривал мудрость к бедности. Ничто не помешает философу владеть солидным состоянием, если оно ни у кого не отнято, не обагрено кровью, не осквернено несправедливостью, не накоплено грязными процентами¹⁶; если доходы и расходы будут одинаково честными, не причиняя горя никому, кроме злодеев. Увеличивай свое состояние, насколько пожелаешь, что в том постыдного? Богатство, которое всякий желал бы назвать своим, но в котором никто не может назвать своей ни крупы, не постыдно, а почетно.

2. Такое честным путем нажитое состояние не отвратит от философа благосклонность фортуны, не заставит его ни превозноситься, ни краснеть. Впрочем, у него будет чем гордиться, если он сможет распахнуть настежь двери своего дома и заявить, предоставив согражданам осмотреть все, чем владеет: «Пусть каждый унесет то, что признает своим». Воистину велик тот муж и благодатно его богатство, если после подобного призыва он сохранит все, что имел! Я так скажу: кто может спокойно и не смущаясь выставить свое имущество для всенародного обозрения, уверенный, что никто не найдет там, на что наложить руку, тот будет открыто и смело богат.

3. Мудрец не впустит в свой дом ни денария, пришедшего дурным путем; но он не отвергнет даров фортуны и плодов своей добродетели, сколь бы велики они ни были. В самом деле, с какой стати отказывать им в добром приеме? Пусть приходят, их приветят как дорогих гостей. Он не станет ни хвастаться деньгами, ни прятать их (первое – свойство духа суетного, второе – трусливого и мелочного, который хотел бы, если можно, засунуть все свое добро за пазуху), не станет, как я уже говорил, и выкидывать их из дома.

4. Ведь не скажет же он: «От вас нет проку» или: «Я не умею вами распорядиться». Дальнюю дорогу он может проделать и пешком, однако предпочтет, если можно, воспользоваться экипажем. Так же и будучи бедным он, если можно, предпочтет стать богатым. Итак, настоящий философ будет богат, но относиться к своему богатству будет легко, как к веществу летучему и непостоянному, и не потерпит, чтобы оно причиняло какие-либо тяготы ему или другим.

5. Он станет одаривать – но что это вы наострили уши? что подставляете карманы? – он станет одаривать людей добрых либо же тех, кого в состоянии сделать добрыми. Он станет раздавать подарки не прежде, чем отберет, по тщательнейшем размышлении, самых достойных, как человек, помнящий, что ему придется давать отчет не только о доходах, но и о расходах. Он станет делать подарки, исходя из требований должного и справедливого, ибо бессмысленные дары – один из видов позорного мотовства. Карман у него будет открытый, но не дырявый: из него много будет выниматься, но ничего не будет высыпаться.

Глава XXIV

1. Ошибается, кто думает, будто нет ничего легче, чем дарить: это дело чрезвычайно трудное, если распределять со смыслом, а не разбрасывать как придется, повинувшись первому побуждению. Вот человек, которому я обязан, а этому возвращаю долг; этому я приду на помощь, а того пожалею; вот достойный человек, которого надо поддержать, чтобы бедность не сбила его с пути или не задавила совсем; этим я не дам, несмотря на их нужду, потому что если и дам, нужда их не уменьшится; кому-то я сам предложу, кому-то даже буду всовывать насильно. В таком деле нельзя допускать небрежности: подарки – лучшее помещение денег.

2. «Как? Неужто ты, философ, даришь для того, чтобы получить доход?» – Во всяком случае, для того, чтобы не понести убытки. Подарки следует вкладывать туда, откуда можно ждать возмещения, но не нужно его требовать. Мы помещаем наши благодеяния, как глубоко зарытый клад: без нужды ты не станешь его выкапывать.

3. Сам дом богатого человека – обширное поле для благотворительной деятельности. Щедрость называется у нас «свободностью» – «liberalitas» – не потому, что должна быть обращена только на свободных, а потому, что ее источник – свободный дух. Кто скажет, что щедрость следует проявлять лишь к одетым в тогу? Природа велит мне приносить пользу людям независимо от того, рабы они или свободные, свободнорожденные или вольноотпущенники, отпущенные по закону или по дружбе, – какая разница? Где есть человек, там есть место благодеянию. Так что можно упражняться в щедрости и раздавать деньги, не переступая собствен-

ного порога. Щедрость мудреца никогда не обращается на недостойных и подлых, но зато и не иссякает и, встретив достойного, изливается всякий раз, как из рога изобилия.

4. Честные, смелые, мужественные речи тех, кто стремится к мудрости, не дадут вам повода для превратного толкования. Только запомните: стремящийся к мудрости – это еще не мудрец, достигший цели. Вот что скажет вам первый: «Речи мои превосходны, но сам я до сих пор вращаюсь среди бесчисленных зол. Не требуй, чтобы я сейчас соответствовал своим правилам: ведь я как раз занят тем, что делаю себя, формирую, пытаюсь поднять до недостижимого образца. Если я дойду до намеченной мною цели, тогда требуй, чтобы дела мои отвечали словам». Второй же, достигший вершины человеческого блага, обратится к тебе иначе и скажет так: «Прежде всего, с какой стати ты позволяешь себе судить о людях, которые лучше тебя? Сам-то я уже, по счастью, внушаю неприязнь всем дурным людям, а это доказывает мою правоту.

5. Но чтобы ты понял, отчего я не завидую никому из смертных, выслушай, что я думаю по поводу разных вещей в жизни. Богатство – не благо; если бы оно им было, оно делало бы людей хорошими; но это не так; а поскольку то, что мы находим у дурных людей, не может называться хорошим, постольку я не соглашаюсь называть его этим именем. В остальном же я признаю, что оно полезно, доставляет много жизненных удобств и потому его следует иметь».

Глава XXV

1. Что ж, выходит, что и вы и я одинаково полагаем, что богатство следует иметь; послушайте же, почему я не считаю его одним из благ и в чем я отношусь к нему иначе, чем вы. Пусть меня поселят в самом богатом доме, где даже самые обыденные предметы будут только из золота и серебра, – я не возгоржусь, ибо все это хоть и окружает меня, но лишь снаружи. Перенесите меня на Сублицийский мост»¹⁷ и бросьте среди нищих: я не почувствую себя униженным, сидя с протянутой рукой среди попрошаек. Разве тому, у кого есть возможность умереть, так уж важно, что у него нет корки хлеба? Какой же из этого вывод? Я предпочту блистательный дворец грязному мосту.

2. Поместите меня среди ослепительной роскоши и изысканного убранства: я не сочту себя счастливее оттого, что сижу на мягком и сотрапезники мои возлежат на пурпуре. Дайте мне иное ложе: я не почувствую себя несчастнее, опуская усталую голову на охапку сена или ложась отдохнуть на резаную солому, вылезавшую сквозь дыры в ветхой парусине. Какой из этого вывод? Я предпочту гулять в претексте, чем сверкать голыми лопатками через прорехи в лохмотьях.

3. Пусть все дни мои будут один удачнее другого, пусть несутся ко мне поздравления с новыми успехами, когда еще не отзвучали прежние: я не стану любоваться сам собой. Отберите у меня эту временную милость: пусть потери, убытки, горе обрушивают на мой дух удар за ударом; пусть каждый час приносит новую беду; среди моря несчастий я не назову себя несчастным, ни одного дня я не прокляну; ибо я все предусмотрел так, что ни один день не может стать для меня черным. Какой отсюда вывод? Я предпочту воздерживаться от излишней веселости, нежели подавлять чрезмерную скорбь».

4. И вот что скажет тебе еще этот Сократ: «Хочешь, сделай меня победителем всех народов мира, пусть пышно украшенная колесница Вакха везет меня во главе триумфа от самого солнечного восхода до Фив, пусть все цари приходят просить меня утвердить их на царстве, – в тот самый миг, когда со всех сторон меня будут величать богом, я яснее всего пойму, что я человек. Хочешь – внезапно, без предупреждения, сбрось меня с этой ослепительной вершины; пусть головокружительная перемена судьбы взгромоздит меня на чужеземные носилки и я украшу собой торжественную процессию надменного и дикого завоевателя: волочась за чужой колесницей, я почувствую себя не более униженным, чем тогда, когда стоял на собствен-

ной. Какой же из этого вывод? А такой, что я все-таки предпочту победить, а не попасть в плен. Да, все царство фортуны не удостоится от меня ничего, кроме презрения; но если мне предоставят выбор, я возьму лучшее. Все, что выпадет мне на долю, обратится во благо, но я предпочитаю, чтобы выпадало более удобное, приятное и менее мучительное для того, кому придется это обращать во благо. Не подумай, конечно, будто какую-нибудь добродетель можно стяжать без труда; но дело в том, что одним добродетелям нужны шпоры, а другим – узда.

5. Это как с телом: спускаясь под гору, нужно его удерживать, поднимаясь в гору – толкать вперед; так вот, и добродетели бывают направлены либо под гору, либо в гору. Всякий согласится, что терпение, мужество, стойкость и все прочие добродетели, противопоставляемые жестоким обстоятельствам и подчиняющие себе фортуны, карабкаются в гору, упираются, борются. И столь же очевидно, что щедрость, умеренность, кротость идут под гору. Здесь мы удерживаем свой дух, чтобы он не сорвался вперед, там – гоним его, понукаем, толкаем самым жестоким образом. Так вот, в бедности нам понадобятся более мужественные, воинственные добродетели; в богатстве – более утонченные, стремящиеся сдерживать шаг и удержать себя в равновесии.

6. Перед лицом такого разделения, я всегда предпочту те, в которых можно упражняться спокойно, тем, которые требуют крови и пота. Таким образом, – заключит свою речь мудрец, – и жизнь моя не расходится с моими словами; это вы плохо их слышите: ваши уши улавливают только звучание слов, а что они означают, вы даже не интересуетесь спросить».

Глава XXVI

1. «Но какая же разница между мной, дураком, и тобой, мудрецом, если мы оба хотим иметь?» – Очень большая: у мудрого мужа богатство – раб, у глупого – властелин; мудрый не позволяет своему богатству ничего, вам оно позволяет все; вы привыкаете и привязываетесь к своему богатству так, будто кто-то обещал вам вечное им обладание, а мудрец, утопая в богатстве, тут-то и размышляет более всего о бедности.

2. Ни один полководец не понадеется на перемирие до такой степени, чтобы оставить приготовления к уже объявленной войне, даже если она до времени не ведется; а вас один красивый дом заставляет возомнить о себе и утратить представление о действительности, как будто он не может ни сгореть, ни обрушиться; куча денег делает вас глухими и слепыми, как будто они отведут от вас все опасности, как будто у фортуны не хватит сил мгновенно уничтожить их.

3. Богатство – игрушка вашей праздности. Вы не видите заключенных в нем опасностей, как варвары в осажденном городе не подозревают о назначении осадных орудий и лениво наблюдают за работой неприятеля, не в силах уразуметь, для чего возводятся в таком отдалении все эти сооружения. Так и вы: когда все благополучно, вы расслабляетесь, вместо того чтобы задуматься, сколько несчастных случайностей подстерегает вас со всех сторон. Они вот-вот уже готовы пойти на приступ и захватить драгоценную добычу.

4. Мудрец же, если у него вдруг отнимут богатство, ничего не потеряет из своего достоинства; он будет жить, как жил, довольный настоящим, уверенный в будущем. «Самое твердое среди моих убеждений, – скажет вам Сократ или кто-нибудь другой, наделенный таким же правом и властью судить о делах человеческих, – это не изменять строя моей жизни в угоду вашим мнениям. Со всех сторон я слышу обычные ваши речи, но по мне это не брань, а писк несчастных новорожденных младенцев».

5. Так скажет вам тот, кому посчастливилось достичь мудрости и чей свободный от пороков дух велит ему порицать других – не из ненависти, но во имя исцеления. И вот что он еще прибавит: «Ваше мнение волнует меня не из-за меня, а из-за вас, ибо ненавидящие добродетель и гонящие ее с улюлюканием навсегда отрекаются от надежды на исправление. Меня вы

не обижают, но и богов не обижают те, кто опрокидывает алтари. Однако дурные намерения и злые замыслы не становятся лучше оттого, что не могут причинить вреда.

6. Я воспринимаю ваши бредни так же, как, вероятно, Юпитер всеблагодой и величайший – непристойные выдумки поэтов, которые представляют его то крылатым, то рогатым, то не ночующим дома блудодеем; жестоким к богам и несправедливым к людям; похитителем свободных людей и даже родственников; отцеубийцей, незаконно захватившим отчий престол и еще чужой в придачу. Единственное, чего достигают подобные сочинения, – освобождают людей от всякого стыда за свои прегрешения мол, чего стесняться, если сами боги такие.

7. Меня ваши оскорбления нисколько не задевают, но ради вас самих я предупреждаю вас: уважайте добродетель, верьте тем, кто сам неуклонно ей следовал и теперь возвеличивает ее перед вами: пройдет время, и она предстанет в еще большем величии. Почитайте добродетель как богов, а исповедующих ее – как жрецов, и да благоговеют языки ваши¹⁸ при всяком упоминании священных письмен. Это слово: «favete» – «благоговейте» происходит вовсе не от благожелательного одобрения – «favo», оно не призывает вас к крикам и рукоплесканию, как в цирке, а повелевает молчать, дабы священнодействие могло свершиться как положено, не прерываемое неуместным шумом и болтовней. Вам вдвойне необходимо исполнять это повеление и всякий раз, как раздадутся речи этого оракула, закрывать рот, чтобы слушать внимательно.

8. Ведь вы все сбегаетесь послушать, когда какой-нибудь наемный лжец забренчит на улице систром¹⁹, когда какой-нибудь умелый самоистязатель начнет резать, не слишком, впрочем, твердой рукой, свои предплечья и плечи, заливая их кровью; когда какая-нибудь женщина с завыванием поползет по дороге на коленях; когда старик в льняных одеждах, держа перед собой лавровую ветку и зажженный среди бела дня фонарь, пойдет кричать о том, что разгневали кого-то из богов, – вы все застываете, пораженные, и, заражая друг друга страхом, верите, что это – глашатаи божества».

Глава XXVII

1. Вот о чем взывает Сократ из темницы, которая очистилась, едва он вошел в нее, и сделалась почетнее всякой кури²⁰: «Что за безумие, что за природа, враждебная богам и людям, заставляет вас поносить добродетель и оскорблять святыню злобными речами? Если можете, хвалите добрых людей, не можете – пройдите мимо; а если уж вы не в силах сдержать своей мерзкой распущенности, нападайте друг на друга, ибо обращать вашу безумную брань к небу, я не скажу что кощунство, но напрасный труд.

2. В свое время я сам сделался мишенью для шуток Аристофана²¹, а вслед за ним двинулся и прочий отряд комических поэтов, излив на меня весь запас своих ядовитых остроумий, и что же? Эти нападки лишь укрепили славу моей добродетели. Ей полезно, когда ее выставляют, словно раба на продажу, и тычут в нее пальцами, пробуя на крепость, к тому же нет лучше способа узнать, чего она стоит и какова ее сила, чем ползть на нее в драку и попытаться побить: твердость гранита лучше всего известна камнерезам.

3. Вот я стою подобно скале на морской отмели, и волны беспрестанно обрушивают на меня свои удары, но ни сдвинуть меня с места, ни разбить им не под силу, хотя нападки их не прекращаются столетиями. Нападайте же, бейте: я вынесу все, и в этом – моя победа над вами. Нападающие на неодолимую твердыню употребят свою силу себе же во зло; а потому ищите мягкую и уступчивую мишень, чтобы вонзять ваши стрелы. Вам нечем занять себя, и вы пускаетесь в исследование чужих недостатков, изрекая свои приговоры: «Не слишком ли просторно живет этот философ и не слишком ли роскошно обедает?» Вы замечаете чужие прыщи, а сами покрыты гнойными язвами. Так урод, покрытый с ног до головы зловонными струпами, стал бы высмеивать родинки или бородавки на прекраснейших телах.

4. Поставьте в вину Платону то, что он искал денег, Аристотелю – что брал, Демокриту – что презирал, Эпикуру – что тратил; мне самому поставьте в вину Алкивиада и Федра – вы, которые при первой возможности кинетесь подражать всем нашим порокам, не помня себя от счастья!

5. Оглянитесь лучше на собственные пороки, на зло, осадившее вас со всех сторон, вгрызающееся в вас снаружи, палящее огнем самые ваши внутренности! Если вы не желаете знать вашего собственного положения, то поймите хотя бы, что дела человеческие вообще сейчас в том состоянии, чтобы вам оставалось много досуга чесать языки, порицая лучших, чем вы, людей.

Глава XXVIII

1. Но вы этого не понимаете и строите хорошую мину при плохой игре, словно люди, сидящие в цирке или в театре и еще не успевшие получить горестных вестей из дома, уже погруженного в траур. Но я-то гляжу сверху и вижу, какие тучи собираются над вашими головами, угрожая взорваться бурей в недалеком будущем, а некоторые так уже и вплотную нависли над вами и вашим добром. И даже более того: разве ужасный шквал не захватил уже ваши души, «хоть вы того и не чувствуете, не завертел их в вихре, заставляя от одного убежать, к другому слепо устремляться, то вознося под облака, то швыряя в пропасть?..»

[На этом текст в рукописях обрывается.]

О стойкости мудреца, или о том, что мудреца нельзя ни обидеть, ни оскорбить

К Серену

1. Я утверждаю, Серен²², и не без основания, что между стойкими и всеми прочими, кто сделал мудрость своей специальностью²³, существует такое же различие, как между мужчинами и женщинами. В самом деле, и те и другие одинаково участвуют в человеческой жизни, но первые рождены повелевать, а вторые – повиноваться. Все прочие мудрецы обращаются к людям примерно так же, как домашние врачи-рабы к больным господам: слова их мягки и льстивы, и лечат они не тем средством, которое действует лучше и быстрее, а тем, на какое согласится больной. Стоики берутся за дело по-мужски и не заботятся о том, чтобы указываемый ими путь казался привлекательным для новичков: они ищут путь самый короткий, который сразу заставит нас карабкаться вверх к высочайшей вершине, недостижимой для любых стрел, ибо она возвышается даже и над судьбой.

Но дорога, на которую нас зовут, чересчур крута и обрывиста.

А вы думали, что дорога к вершине пологая? Впрочем, она далеко не так крута, как некоторые думают. Она только вначале выглядит непроходимым нагромождением валунов и скал, но так бывает чаще всего: глядя издали, видишь отвесную стену обрыва, ибо зрение наше обманывается большим расстоянием; а по мере того как подходишь ближе, картина, которую глаза принимали сначала за сплошную стену, открывается в подробностях, и то, что на расстоянии представало обрывом, оказывается пологим склоном.

Помнишь, недавно, когда зашла речь о Марке Катоне, ты, не переносящий никакой несправедливости, возмущался, что Катона совсем почти не поняли его современники; что того, кто вознесся выше Помпеев и Цезарей, они ставили ниже Ватиниев. Тебе казалось позором, что с него сорвали тогу на форуме, когда он убеждал народ не принимать закона²⁴; что мятежная толпа тащила его от Ростр до самой Фабиевой арки, и ему пришлось всю дорогу выносить ругательства, плевки и множество других оскорблений со стороны обезумевшей черни.

2. Я отвечал тебе тогда, что волнение твое оправдано, если ты переживаешь за государство, которое продавали с молотка с одной стороны Публий Клодий, с другой – Ватиний²⁵ да и вообще любой подлец, кому не лень; увлеченные и ослепленные вождельями, они не понимали, что, продавая его, будут проданы с ним вместе.

Но за Катона я велел тебе не беспокоиться, ибо мудрецу нельзя нанести ни обиды, ни оскорбления, а в Катоне бессмертные боги дали нам такой образец мудрого мужа, до которого далеко и Улисс и Геркулесу²⁶ предшествовавших столетий. Наши стойки провозгласили их мудрецами за то, что они были неутомимы в преодолении трудностей, презирали наслаждения и победили всех чудовищ. Катон не ходил с голыми руками на диких зверей: преследовать их – дело охотников и грубых дикарей: он не уничтожал огнем и мечом чудовищ и не застал те времена, когда можно было верить, будто небо держится на плечах одного человека²⁷. Живя в тот век, когда старинная доверчивость была давно отброшена и человеческое хитроумие достигло вершины всякого искусства, он сражался с многоглавым злом честолюбия, с непомерной жадностью власти, которой не мог насытить даже весь земной шар, поделенный на троих²⁸; он один выступил против пороков вырождающегося общества, обваливающегося под собственной тяжестью; он стоял, держа на своих плечах рушащееся государство, насколько мог удержать его один человек, до тех пор, пока не рухнул вместе с бременем, которому так

долго не давал упасть. Они перестали существовать одновременно, ибо разделить их было бы невозможно, да и кощунственно: ни Катон не пережил свободы, ни свобода – Катона. И ты думаешь, что такого человека народ мог обидеть, лишив его претуры²⁹ или сорвав с него тогу? Что плевками своих грязных ртов они могли осквернить эту священную голову? Мудрец вне опасности: ни обида, ни оскорбление не могут задеть его.

3. Сейчас я так и вижу перед собой твою пылкую, кипящую негодованием душу; ты готов уже выпалить мне в ответ:

«Вот это-то как раз и лишает убедительности все ваши поучения. Вы обещаете много такого, во что не только поверить нельзя, но чего и пожелать невозможно. Вы длинно и высокопарно рассуждаете о том, что мудрец не бывает беден, однако не отрицаете, что у него часто нет ни раба, ни крыши над головой, ни пищи. Вы говорите, что мудрец всегда сохраняет здравый рассудок, однако не отрицаете, что он нередко ведет себя как помешанный, произносит безумные речи и отваживается на явно сумасшедшие поступки. Вы говорите, что мудрец не бывает рабом, однако не отрицаете, что он может быть продан, исполнять приказания и оказывать своему господину рабские услуги. Таким образом, вы только высоко задираете нос, но в суждениях своих не поднимаетесь выше общепринятого мнения, а лишь меняете названия вещей. Я подозреваю, что нечто подобное кроется и за этим вашим, на первый взгляд таким красивым и величественным утверждением, что будто бы мудреца невозможно ни обидеть, ни оскорбить. Ты считаешь, что мудреца нельзя обидеть или что он не может обидеться? Тут очень большая разница. Если ты утверждаешь, что он спокойно снесет любую обиду, то в чем же его преимущество? Это дело самое обыкновенное, привычка научит его любого, кого будут часто обижать, и называется оно – терпение. Если же ты утверждаешь, что его нельзя обидеть в том смысле, что никто не осмелится даже пробовать обижать его, тогда я сию минуту бросаю все свои дела и становлюсь стойком».

– Что до меня, то я, право же, вовсе не собирался украшать мудреца словесными венками воображаемых достоинств; я действительно полагаю его недостижимым ни для каких обид. Ты спросишь: «Неужели в самом деле никто не будет нападать на него, никто даже не попытается обидеть?»

В природе вещей нет ничего настолько святого, на что не нашелся бы свой святотатец. Но горние высоты божества не оказываются ниже оттого, что существуют люди, пытающиеся нападать на высоко вознесенное над ними величие, до которого дотянуться они не в силах. Неуязвим не тот, кто не получает ударов, а тот, кому они не причиняют вреда. Через это уподобление я постараюсь объяснить тебе мудреца.

Разве не очевидно, что несломленная сила – не та, на которую никто не нападал, а та, которую никто не победил? Неиспытанная мощь сомнительна, но та, что отразила все удары, по праву может считаться несокрушимой. Так и с природой мудреца: ты вправе признать ее лучше нашей, если обиды не причиняют ей вреда, а не в том случае, если ее никто не обижает. Ведь храбрым мужем я назову того, кого не сломили войны, кого не пугают подступающие вражеские полчища, а не того, кто жиреет на покое среди ленивых мирных народов.

Поэтому я говорю так: мудрец неподвластен обидам; неважно, сколько в него выпустят стрел, важно, что он неуязвим для них. Есть камни настолько твердые, что их не берет железо: так, адамант³⁰ нельзя ни рассечь, ни разрезать, ни распилить; без единой царапины отражает он всякую попытку нападения. Есть вещи, которые не берет огонь: посреди пламени они сохраняют обычный свой вид и не теряют твердости. Есть скалы, выступающие далеко в море, которое на протяжении многих столетий налетает на них со всей свирепостью, пытаюсь разбить, однако на них не остается ни следа от бесчисленных ударов. Дух мудреца по твердости и силе не уступает всем этим вещам: он так же неуязвим для обид, как адамант для ударов.

4. «Но разве ты не обещаешь, что обидеть мудреца никто и пытаться не станет, раз это невозможно?»

– Пытаться станет, но не достигнет своей цели. От низменных людей его отделяет такое большое расстояние, что никакая вредоносная сила просто не в состоянии до него добраться. Даже если самые могущественные люди, облеченные властью и окруженные толпой раболепных приверженцев, вознамерятся навредить ему, любой их удар теряет силу раньше, чем прикоснется к мудрости. Так снаряды, пущенные вверх из лука или метательной машины, взлетают высоко, порой даже скрываясь из глаз, но все-таки никогда не долетают до неба. Может быть, ты думаешь, что когда глупый царь тучей стрел погасил дневной свет, хоть одна стрела попала в солнце?³¹ Или что когда он приказал сечь цепями море, ему удалось выпороть Нептуна?³² Небесное не дается человеческим рукам; святотатцы, грабящие храмы и переплавляющие священные изображения, никакого вреда богам не причиняют. Точно так же и с мудрецом: наглость, грубая брань, высокомерие – это расточается на него напрасно.

– Но все-таки было бы лучше, если бы никто и не хотел его обидеть.

– Чтобы исполнилось твое желание, человеческий род должен быть невинен, а это труднодостижимо. Кроме того, нанесение обид – в интересах тех, кто склонен их наносить, а не того, кто все равно не воспримет их, даже если они будут нанесены. Более того, я, пожалуй, думаю, что спокойствие среди постоянных нападков лучше всего обнаруживает силу мудрости; как мощь полководца и отсутствие недостатка в людях и оружии лучше всего доказывается его спокойной уверенностью на вражеской земле.

5. Если хочешь, Серен, давай отделим обиду от оскорбления³³. Обида тяжелее; оскорбление легче и тяжело переносится лишь самыми щепетильными людьми, ибо оно не причиняет вреда, а только сердит. Бывают, однако, души настолько распушенные и суетные, что оскорбление полагают горше обиды. Ты можешь встретить раба, который предпочитает плети пощечине и согласен умереть под палками, лишь бы не слышать оскорбительных слов. Мы дошли в нашей нелепости до того, что мысль о боли мучит нас не меньше самой боли, словно мы маленькие дети, пугающиеся темноты, гримас и уродливых масок; чтобы заставить их плакать, достаточно произнести неприятное слово или погрозить пальцем; обуреваемые собственными заблуждениями, они опрометью кидаются прочь от вещей самых ничтожных.

Обида имеет целью причинить кому-либо зло. Однако мудрость не оставляет места злу. Единственное зло для нее – бесчестье, а оно не может войти туда, где уже поселились добродетель и честь. Следовательно, если без зла не бывает обиды; если зло – только в бесчестье; и если бесчестье не может коснуться того, кто исполнен честных достоинств, то обида не может коснуться мудреца. В самом деле, если обида есть принуждение стерпеть некое зло, а мудрец не терпит никакого зла, то обида мудреца не касается.

Всякая обида отнимает нечто у того, кому наносится. Она либо умаляет наше достоинство, либо наносит ущерб телу, либо отнимает что-то из внешних по отношению к нам вещей. Но мудрецу нечего терять: все его достояние в нем самом, фортуне он не доверил ничего; все его добро помещено в самое надежное место, ибо он довольствуется своей добродетелью, которой не нужны дары случая и которая поэтому не может ни убавиться, ни прибавиться. Он совершенен, и потому ему некуда дальше расти; а отнять у него фортуна не может ничего, кроме того, что сама дала. Но добродетель дает не она, а потому и отнять ее не в силах.

Добродетель свободна, неуязвима, неподвижна, безмятежна; любой случайности она противостоит настолько твердо, что не только одолеть, но и поколебать ее невозможно. Не опуская глаз, она смотрит на орудия пытки и не меняется в лице, являются ли ей вещи страшные или приятные. Итак, мудрец не может потерять того, потеря чего была бы для него чувствительна. Единственное его достояние – добродетель, которую нельзя отнять; все остальное дано ему во временное пользование; кого может тронуть потеря чужого имущества? А раз обида не может причинить вред чему-либо, что составляет собственность мудреца, ибо сохраняя добродетель, он сохраняет все свое при себе, значит, обиды у мудреца не бывает.

Деметрий по прозвищу Полиоркет³⁴ взял Мегару. Когда он спросил философа Сильбона, велики ли его потери, тот ответил: «Я ничего не потерял. Все мое со мной». А ведь все его имение стало добычей солдат, дочерей его захватил неприятель, родина подчинилась чужой власти, и самого его допрашивал царь, сидящий на возвышении в окружении победоносного войска. Но он вырвал победу из царских рук и, стоя посреди захваченного города, доказал, что он не только не побежден, но и не понес никакого убытка. Истинные блага, на которые нельзя наложить руку, были при нем, а то, что было разгромлено и разграблено, он считал не своим, а посторонним, случайным, приходящим и уходящим по знаку фортуны. Он ценил все это, но не как свою собственность, зная, что всякое достояние, притекающее извне, скользко и ненадежно.

б. А теперь подумай, какую обиду мог бы нанести подобному мужу вор или клеветник, злобный сосед или какой-нибудь богач, ищущий, над кем бы проявить власть на склоне бездетной старости, если ни война, ни неприятель, ни самый выдающийся мастер разрушения городов ничего не смогли у него отнять. Среди блеска обнаженных мечей, в суতোлке занятых грабежом солдат, в море огня и крови, посреди сраженного и гибнущего города, между храмами, рушащимися на своих богов, один человек сохранял спокойствие.

Итак, у тебя нет причин считать мое обещание бесстыдным преувеличением; но если ты все еще не веришь, вот тебе мой поручитель. Тебе, наверное, не верится, что одному человеку может достаться столько твердости, столько величия духа; но вот выходит вперед Сильбон и говорит:

«Не стоит сомневаться в том, что рожденный человеком может подняться выше человеческого; может без тревоги взирать на угрожающие ему муки, беды, язвы, раны, на горестное крушение всего, что его окружало; может равно спокойно переносить и жестокие удары и небывалые удачи, не отступая перед первыми и не обольщаясь вторыми; в самых разных обстоятельствах может оставаться одинаковым и равным себе и ничего не считать своим кроме себя, да и то только в лучшей своей части.

Вот я стою перед вами, дабы доказать вам, что это возможно. Под натиском этого сокрушителя стольких государств от ударов тарана расплзаются укрепления; высокие башни, незаметно подкопанные рвами и туннелями, внезапно оседают; стремительно растут насыпи, достигая высоты самих крепостей, – но нет таких машин, которыми можно было бы потрясти дух, укрепившийся на добром основании. Я едва успел выбраться из-под развалин своего дома и, освещаемый со всех сторон пожарами, бежал от огня по крови; я не знаю, какая участь постигла дочерей – может быть, худшая той, что досталась городу; одинокий старик, окруженный отовсюду врагами, я заявляю, что все мое имущество в целостности и сохранности. Я сохранил все, что было у меня моего. Ты не вправе считать меня побежденным, а себя победителем. Твоя фортуна победила мою, только и всего. Я не знаю, где те бранные, меняющие хозяев вещи; что касается моих, то они при мне и при мне останутся. Богачи потеряли свое имение, унаследованное от отцов; сладострастники – своих возлюбленных шлюх, на которых они истратили весь имевшийся у них стыд; честолюбцы потеряли курию, форум и прочие места, предназначенные для публичного совершенствования в пороках; ростовщики лишились табличек³⁵, с помощью которых скупая алчность наслаждалась призраком воображаемых богатств. Что до меня, то все мое цело и нетронуто. Впрочем, расспроси лучше тех, кто плачет и причитает, кто подставляет обнаженную грудь под острия мечей, защищая свои деньги собственным телом, или кто, нагрузив все, что мог, за пазуху, бегом спасается от врагов». Вот так, Серен: сей совершенный муж, исполненный человеческих и божественных добродетелей, не потерял ничего. Его добро защищено неодолимо прочными стенами. С ними не идут ни в какое сравнение ни стены Вавилона, в которые вошел Александр, ни стены Карфагена или Нуманции, которые взяла одна и та же рука³⁶, ни Капитолийская крепость, ибо и за ее стены ступала вражеская нога³⁷. Стены,

обеспечивающие безопасность мудреца, нельзя ни проломить, ни сжечь, ни взять приступом: необоримые, они высятся наравне с богами.

7. Теперь тебе не удастся возразить мне, по твоему обыкновению, что такого мудреца, как наш, нет на свете. Мы не выдумали его, тщась приукрасить врожденные способности человека, он – не ложный плод разгоряченного воображения, но мы представляли и будем представлять его именно таким, каким он был, хотя такие люди являются, наверное, один на несколько столетий. Ибо великое и выдающееся над обычным уровнем толпы рождается не часто. Впрочем, я склонен думать, что тот самый Марк Катон, с которого мы начали наше рассуждение, явил собой еще более высокий образец мудрости.

Наконец, чтобы принести вред, нужно быть сильнее своей жертвы; но подлость не бывает сильнее добродетели; следовательно, мудрецу нельзя причинить вреда. Обидеть добрых людей пытаются лишь дурные; но меж добрыми людьми царит мир, в то время как дурные опасны друг для друга не меньше, чем для добрых. И если причинить вред можно только более слабому; если дурной человек слабее доброго; если, таким образом, доброму может угрожать обида лишь от равного ему, то мудрому мужу обида не грозит. Тебе ведь не нужно напоминать, что добрым человеком может быть только мудрый.

Нам могут возразить: «Но если Сократу вынесли несправедливый приговор, значит, он был обижен». – Здесь нам нужно ясно понять вот что: бывает так, что некто нанесет мне обиду, но я не буду обижен. Например, если кто-нибудь, украв какую-то вещь у меня на вилле, принесет и положит ее в моем городском доме, то он совершит воровство, но я ничего не потеряю. Человек может стать вредителем, не причинив никому вреда. Если кто-то спит со своей женой так, будто она жена чужая, то он прелюбодей, хотя она остается честной женщиной. Допустим, кто-то дал мне яд, который, смешавшись с пищей, утратил свою силу; подмешав яд, этот человек сделал себя преступником, хотя и не причинил вреда. Разбойник, чей нож скользнул по одежде, не ранив жертвы, от этого не перестает быть разбойником. Всякое преступление, даже если оно не достигло своей цели, уже совершено – поскольку это касается его виновника. Есть такой род взаимосвязи, когда одно может существовать без другого, но второе без первого нет.

Попытаюсь разъяснить свои слова. Я могу двигать ногами и при этом не бежать, но не могу бежать, не передвигая ноги. Находясь в воде, я могу не плавать; но если плаваю, то не могу не находиться в воде. К этой же разновидности относится и то, о чем я говорю. Если я обижен, значит, кто-то непременно меня обидел; но если кто-то меня обидел, то я не обязательно обижен, ибо могли вмешаться различные обстоятельства, которые отвели от меня обиду. Какой-нибудь случай мог не дать занесенной руке опуститься на мою голову или отклонить выпущенную в меня стрелу; точно так же и все прочие обиды могут натолкнуться на какое-то препятствие, так что они будут и нанесены, и в то же время не получены тем, кому предназначались.

8. Кроме того, справедливость не может потерпеть ничего несправедливого, ибо противоположности несовместимы. Но обида бывает только несправедливая; следовательно, мудрецу нельзя причинить обиды. Не удивляйся: никто не может его обидеть, но никто не может и принести ему пользу. Ибо мудрец ни в чем не нуждается, что он мог бы принять в дар; к тому же у дурного человека не может найтись ничего такого, что было бы достойным подарком для мудреца. Ведь прежде чем дарить, нужно иметь, а у него нет ничего, чему мудрец мог бы обрадоваться. Таким образом, никто не в силах ни повредить мудрецу, ни оказать ему услугу, поскольку божество не нуждается в помощи и не воспринимает обид, а мудрец – существо наиболее близкое к богам, во всем подобное богу, за исключением смертности. Напрягая все силы, не давая себе передышки, он стремится ввысь, туда, где все упорядочено, непоколебимо, уравновешено, все движется ровным согласным потоком, надежно, приветливо, благотворно для него и для других, создано на всеобщее благо, – он никогда не возжелает ничего низменного, ни о чем не заплачет. Кто шагает сквозь превратности человеческой жизни, опираясь на разум, кто наделен божественным духом, тот неуязвим для обиды. Ты думаешь, я говорю

только об обиде, наносимой человеком? Нет, его не в силах обидеть и фортуна, которая никогда не выдерживает схватки с добродетелью.

Если мы спокойно и легко относимся к самому страшному, чем могут грозить нам наисуровейшие законы и самые жестокие властители, в чем власть фортуны достигает своего наивысшего предела, – если мы знаем, что смерть не есть зло, а значит, и не обида, то насколько же легче мы будем переносить все остальное: утраты и муки, позор и перемену мест, смерть близких, разлуки и раздоры. Даже если все это хлынет на мудреца одновременно, он не пойдет ко дну; тем более не станет он горевать и предаваться отчаянию, если подобные удары будут наноситься ему по одному. Но если он не теряет самообладания, когда его обижает фортуна, то насколько спокойнее относится он к обидам от людей, хотя бы и самых могущественных; ведь он знает, что они – всего лишь орудия фортуны.

9. Все подобные вещи мудрец терпеливо переносит, как зимние морозы и бури, как болезни и приступы лихорадки и прочие неприятные случайности. Нет никого, о ком бы он держался достаточно высокого мнения, чтобы думать, что тот хотя бы в одном своем поступке мог руководствоваться разумным решением; ибо такое свойственно одному лишь мудрецу. Все же прочие действуют не по разумному решению, но по заблуждению, по злобе или следуя неуправляемым душевным порывам, так что их поступки мудрец относит к числу случайностей. Но вихрь случайностей всегда свирепствует вокруг нас, ударяя куда попало.

Подумай также о том, что обида чаще всего питается нашим страхом, когда нас пытаются подвергнуть опасности, например подсылают тайно доносчика, или выдвигают против нас ложное обвинение, всячески возбуждают ненависть к нам у людей власть имущих, или подстраивают другие западни, принятые среди одетых в тогу³⁸ разбойников. Не реже случаются обиды и оттого, что у кого-то перехватят прибыль, на которую он рассчитывал, или обойдут наградой, которой он долго добивался; уплывет наследство, которое человек уже заполучил было ценой тяжких трудов, или кто-то перебьет благосклонность богатого и щедрого дома. Мудрец избегает всего этого, ибо не живет ни надеждой, ни страхом.

Прибавь, наконец, и то, что обида всегда предполагает душевное волнение, что человек приходит в смятение от одной мысли о ней. Но муж, вырвавшийся из-под власти заблуждений, не знает волнения; он полон сдержанности, самообладания и тихого глубокого покоя. Кого обида трогает, того она возбуждает и выводит из равновесия; мудрецу же неведом гнев, возбуждаемый обидой, а он не был бы свободен от гнева, если бы не был также неуязвим и для обид; мудрый знает, что обидеть его нельзя. Вот отчего он так прям, отважен, весел и всегда всем доволен. Удары, наносимые ему людьми или обстоятельствами, настолько безвредны для него, что он обращает обиды себе же на пользу, испытывая себя и свою добродетель.

Молчите, заклинаю вас! Да внемлют наши уши и наши души в благоговейной тишине провозглашаемому ныне приговору; да умолкнет все, пока мудрец освобождается от обиды³⁹!

Не бойтесь: вам не придется поступиться ни каплей вашей наглости, ваших хищных вожделий, вашей гордыни и слепого безрассудства. Все ваши пороки благополучно останутся при вас – не за счет них дается мудрецу эта свобода. Речь идет не о том, чтобы вы не смели причинять несправедливые обиды, а о том, что всякая обида будет отскакивать от мудреца, защищенного броней терпения и величием духа. Так, на священных состязаниях многие выходили победителями благодаря упорному терпению – руки нападавших уставали бить. Знай, что мудрец принадлежит к породе тех, кто долгим и ревностным упражнением достиг могучей крепости, которая способна вынести натиск любой враждебной силы и утомить ее.

10. Теперь, поскольку мы бегло рассмотрели первую часть нашего предмета, перейдем ко второй и с помощью доводов кое-где собственных, а больше – общих для всех стойков, докажем невозможность оскорбить мудреца. Оскорбление меньше обиды. На оскорбление мы скорее можем жаловаться, чем мстить за него или преследовать по закону, ибо законы не назначают за него никакого наказания.

Чувство оскорбления возбуждается в низкой душе, которая сжимается от любого недостаточного почтительного слова или поступка: «Такой-то не принял меня сегодня, а других между тем принимал» или: «Как высокомерно он отвечал мне» или «откровенно расхохотался в ответ на мои слова»; а то еще: «Он поместил меня за столом не посередине, а в самом низу» и прочее в том же духе. Это не назовешь иначе, как жалобами капризной души, которую мутит от любого движения. Такой болезни подвержены, как правило, лишь счастливицы и неженки, у кого есть беды посерьезнее, тем просто не хватает времени замечать подобные вещи. К ним восприимчивы характеры женственные и нестойкие от природы, которые при избытке досуга и в отсутствие настоящих обид делаются совершенно распущенными; большая часть оскорблений – плод дурного истолкования. Таким образом всякий, кто принимает оскорбления близко к сердцу, выказывает полное отсутствие проницательности и уверенности в себе. Он без колебания решает, что к нему выразили презрение, и чувствует болезненный укол, но это происходит от своего рода низости души, унижающейся и склоняющейся перед другими. Мудреца же нельзя унижить, ибо он знает свое величие и убежден, что никто не смеет позволить себе такую вольность по отношению к нему; ему не приходится побеждать то, что я бы даже не назвал душевной невзгодой, но скорее досадным раздражением; он просто нечувствителен к этому.

Есть вещи, которые задевают мудреца, хотя и не могут его победить: телесная боль и слабость, утрата друзей и детей, крушение отечества, охваченного пожаром войны. Я не стану отрицать, что все это мудрец чувствует: мы же не приписываем ему твердость камня или железа. Какая же это добродетель, если она не чувствует того, что терпит? К чему я веду? А вот к чему: есть вещи, способные уязвить его, однако, получив рану, он одерживает над ней победу, зажимает ее и залечивает. Но таких мелочей, как оскорбления, он не чувствует; тут ему не нужно пускать в ход свою добродетель, закаленную в ежедневном противостоянии жестоким ударам; он либо не замечает их вовсе, либо смеется над ними.

11. Кроме того, оскорблять других свойственно обычно людям надменным, высокомерным и плохо переносящим свое счастье; но мудрецу дано встречать всякое надутое чванство с презрительным безразличием, ибо он наделен прекраснейшей из добродетелей – величием духа. Он проходит мимо подобных вещей, не удостоивая их вниманием, как пустые сновидения, как ложные и бесплодные ночные призраки. К тому же, по его убеждению, все прочие люди настолько ниже его, что не могут осмеливаться презирать существо неизмеримо высшее. Слово «оскорбление» – «contumelia» происходит от «contemptus» – «презрение», ибо подобного рода обиду можно нанести лишь тому, кого презираешь. Однако никто не в состоянии презирать большего и лучшего, хотя может поступать так, как обыкновенно поступают презирающие. Так дети бьют родителей по лицу, младенец больно дергает мать за волосы и плюет в нее; на глазах у родных ребенок обнажает то, что следовало бы прикрывать, и не стесняется самыми грязными выражениями; однако мы не считаем эти действия оскорблением. Почему? Потому что знаем, что совершающий их презирать нас не может.

По той же самой причине оскорбительные выходки наших рабов по отношению к господам доставляют нам удовольствие и считаются верхом утонченных манер; начав с хозяина, они могут затем обратить свою наглость на гостей; и чем презреннее раб, чем больше он сам пошлице для окружающих, тем больше мы поощряем его распускать язык. Некоторые специально покупают для этого самых развязных и дерзких мальчишек и поручают особому наставнику развить и отточить их бесстыдство, дабы они могли со знанием дела изливать потоки непристойных поношений. Для нас они не оскорбления, а тонкое остроумие. Но это же чистейшее безумие – то радоваться, то негодовать по поводу одного и того же; одни и те же слова из уст друга принимать как грубую брань, а из уст раба – как забавную шутку!

12. Как мы относимся к детям, так мудрец относится ко всем людям, ибо они не выходят из детства ни к зрелости, ни до седых волос, ни когда и седых волос уже не останется. Разве с возрастом они изменяются к лучшему? Они сохраняют все недостатки ребяческих души, разве

что прибавляют к ним более серьезные заблуждения; они отличаются от детей лишь ростом и телесным развитием, а во всем прочем сохраняют ту же неуверенность невежества; так же без разбора кидаются то туда, то сюда за всяким сиюминутным удовольствием, пугаются всего на свете и если утихомириваются на время, то не от большого ума, а от страха. Разве можно полагать между ними и ребятишками существенную разницу только на том основании, что одни жадны до орехов, бабок и медяков, а другие – до золота, серебра и городов? Что одни изображают друг перед другом магистратов понарошку, копируя претексты, фаски и трибунал, а другие всерьез играют в те же игры на Марсовом поле, на форуме и в курии? Что одни строят на берегу дома из песка, а другие громоздят каменные стены и кровли, воображая, будто создают нечто великое и делая опасным для жизни то, что первоначально должно было служить безопасным убежищем для наших тел?⁴⁰

Так что дети и взрослые живут во власти равного заблуждения, только у старших оно обращено на другие предметы. Поэтому мудрец совершенно прав, принимая их оскорбления в шутку и время от времени угрожая им наказанием и больно наказывая – не оттого, что он на них обиделся, но оттого, что они вели себя дурно, и для того, чтобы впредь они этого не делали. Так ведь и скотину укрощают кнутом. Мы не сердимся на лошадь, сбрасывающую седока, но стараемся обуздать ее, причиняя ей боль не со зла, а ради преодоления ее упрямства. Таким образом, мы, как видишь, ответили еще на одно обычное возражение: «Отчего мудрец наказывает обидчиков, если он не восприимчив ни к обиде, ни к оскорблению?» – Дело в том, что он не за себя мстит, а их исправляет.

13. Ты отказываешься поверить, что мудрый муж может быть до такой степени тверд? Но ведь точно такую же твердость ты сам можешь наблюдать чуть не каждый день, только причина ее другая. Скажи, какой врач станет сердиться на буйного сумасшедшего? Кто станет истолковывать в дурную сторону брань лихорадочного больного, которому не дают пить? Мудрец ко всем людям относится так, как врач к своим больным; а тот не брезгает ни прикасаться к срамным частям больного, если они требуют лечения, ни рассматривать его кал и мочу, ни выслушивать ругательства охваченных горячечным бредом. Мудрец знает, что все, кто важно разгуливает в пурпурных тогах⁴¹, словно здоровые, на самом деле всего лишь разряженные больные, а больным простительна несдержанность. Поэтому он не раздражается, если болезненное возбуждение заставит их нагрубить своему целителю, и так же ни в грош не ставит их малопочтенные выходки, как и их почетные звания.

Точно так же как мудрец не возомнит о себе, если его начнет расхваливать нищий попрошайка, и не сочтет себя оскорбленным, если последний плебей не ответит на его приветствие, – так он не станет задирать носа и тогда, когда богатые люди один за другим начнут выказывать ему уважение: он ведь знает, что они ничем не отличаются от нищих, и даже более жалки, поскольку нищему нужно мало, а им много; и так же мало тронет его, если персидский царь или повелитель Азии Аттал⁴² в ответ на его приветствие молча прошествует мимо с надменным лицом. Он знает, что у царя положение не многим завиднее, чем у того, кому поручат в многолюдном имени заботу о больных и помешанных.

Неужели я стану огорчаться, если со мной не поздоровается один из тех, кто целыми днями торгует у храма Кастора, продавая и покупая негодных рабов, один из тех, чьи лавки вечно битком набиты грязнейшей сволочью? Думаю, нет. Ибо что доброго может быть у того, кому подчинены лишь дурные? Мудрецу же решительно безразлична вежливость или невежливость к нему не только со стороны подобных людей, но и со стороны царей: «Тебе подчинены и парфяне, и мидийцы, и бактрийцы, но ведь ты держишь их силой; но ведь из-за них ты не можешь ни на миг ослабить тетиву своего лука; но ведь они – самые страшные твои враги, насквозь продажные, вечно мечтающие о новом господине.

Таким образом, никакое оскорбление не заденет мудреца. Все люди непохожи друг на друга, но для мудреца они одинаковы – всех равняет глупость. К тому же если бы он хоть раз опустился до того, чтобы обидеться или оскорбиться, он никогда уже не смог бы обрести прежней безмятежности. А ведь безмятежность – особое свойство именно мудреца и великое для него благо. Он никогда не позволит себе оскорбиться, ибо тем самым он оказывал бы честь тому, кто нанес оскорбление. Тут существует необходимая связь: если нас очень огорчает чье-то презрение, значит, нам особенно приятно было бы уважение именно этого человека.

14. Некоторые помешались уже до такой степени, что считают возможным быть оскорбленными женщиной. Какая разница, как ее содержат, сколько у нее носильщиков, сколько весят серьги в ее ушах и насколько просторно ее кресло? Все равно она остается тем же неразумным животным, диким и не умеющим сдерживать свои вожелания, если только она не получила особенно тщательного воспитания и образования в науках. Есть люди, чувствующие свое достоинство задетым, если их случайно толкнет парикмахер, считающие оскорблением, если привратник мешкает распахнуть перед ними двери, если номенклатор⁴³ говорит высокомерным тоном или кубикоулярый⁴⁴ хмурит бровь. О, до чего все это смешно! И до чего сладостное наслаждение испытывает душа, отворачиваясь от сумятицы чужих заблуждений, чтобы созерцать собственный покой!

– Выходит, мудрец не подойдет к дверям, возле которых сидит сердитый привратник?

– Разумеется, подойдет, если будет в том действительная нужда, и как бы страшен ни был привратник, смягчит его, как злую собаку костью, не считая для себя унижительным немного потратиться, чтобы получить право переступить порог, помня, что бывают и мосты такие, где за переход надо платить. Так и тут он даст, как бы мало почтенен ни был этот новоявленный откупщик доходов с приветственных визитов; мудрец ведь знает, что все продажное покупается за деньги. Надо иметь душу самую ничтожную, чтобы находить повод для гордости и самодовольства в том, чтобы высокомерно отвечать привратнику, обломать палку о его спину или пойти к его господину жаловаться и просить – выпороть дерзкого. Вступая в препирательство с кем-то, мы признаем его своим противником, а следовательно, равным себе, даже если мы и победим в стычке.

– А как поступит мудрец, если его ударят кулаком?

– Как поступил Катон, когда ему дали пощечину? Он не рассердился, не стал мстить за обиду, и даже не простил ее: он заявил, что обиды не было. Величие его духа поднималось выше прощения: он вообще не признал обиды. Впрочем, на этом не стоит долго останавливаться, ибо кто же не знает, что вещи, которые все люди считают хорошими или, наоборот, плохими, мудрец воспринимает иначе, так что их оценки никогда не совпадают. Какое ему дело до того, что люди сочтут унижительным или жалким? Он не идет туда, куда валит народ; как звезды движутся навстречу миру⁴⁵, так он идет наперекор общественному мнению.

15. Поэтому перестаньте без конца спрашивать: «Неужели мудрец не обидится, если его побьют? А если ему вырвут глаз? Неужели он не оскорбится, если его протащат через весь форум, осыпая грязными ругательствами? Если на царском пиру ему прикажут лечь под стол или есть с последними из рабов, делающих самую черную работу? Если его принудят вынести все, что может выдумать изобретательный ум невыносимого для гордости свободного человека?»

– Можно без конца наращивать и число и раз меры подобных вещей – природа их будет одинакова. Если мудреца не трогают мелочи, то не тронут и обиды покрупнее. Если его не задевает одна или две, то не заденет и множество.

Но вы воображаете себе колоссальный дух мудреца по вашему собственному слабому и ничтожному духу, и, зная примерно, что способны были бы вынести вы сами, вы приписываете мудрецу чуть побольше терпения. Ошибаетесь: он не имеет вообще ничего общего с вами;

благодаря добродетели он занимает место совсем в другом конце вселенной. Припомните все, что вы знаете тягостное, труднопереносимое, устрашающее слух и взор, обращающее людей в бегство; обрушьте все это на мудреца, хоть все сразу, хоть по отдельности – он устоит, не дрогнув. Кто полагает границы душевному величию, кто говорит, что это-де мудрец может вынести, а это нет, тот неправ: если мы победили фортуна лишь отчасти, значит, она рано или поздно победит нас.

Не думай, будто только стойки такие суровые. Вот что говорит Эпикур, которого вы считаете покровителем вашей праздности⁴⁶, учителем изнеженности и безделья, отправляющим вас в погоню за наслаждениями: «Фортуна редко становится на пути у мудреца»⁴⁷.

Да ведь эти слова почти впору истинному мужу! Ну, еще чуть-чуть, выразишь немного мужественнее – убери ее совсем с дороги! Вот дом мудреца: тесный, неухоженный, без удобств; в нем ни шума, ни беготни многочисленной челяди, ни привратников, с продажной придирчивостью разбирающих толпы визитеров по статьям; однако фортуна никогда не осмелится переступить за этот пустой и никем не охраняемый порог. Ибо знает, что ей не место там, где ничто ей не принадлежит.

16. Но если против обиды восстал даже весьма снисходительный к потребностям тела Эпикур, то кто может счесть невероятным и превосходящим возможности человеческой природы точно такое же требование, выдвигаемое нами? Эпикур говорит, что мудрец спокойно переносит обиды; мы говорим, что он не воспринимает их. Что тут, по-твоему, противоречит природе? Мы ведь не отрицаем, что быть избитым, выпоротым или лишиться какого-либо члена – вещи малоприятные; мы только говорим, что это не обиды. Мы не отнимаем у них болезненности; мы отнимаем лишь название – «обида», ибо нельзя обидеться, не нанеся урона добродетели. Мы еще посмотрим, кто из нас более прав в остальном, однако и мы и Эпикур полностью совпадаем в одном: обиду следует презирать. Ты спросишь, какая разница между им и нами? Разница, какая бывает между двумя гладиаторами отменного мужества: один зажимает рану рукой, не отступая ни на шаг; другой, взглянув на шумящих зрителей, делает знак, что ничего не произошло и что он не желает вмешательства⁴⁸. Расхождения между нами очень невелики. К тому единственному, что важно.

Согласно учению Эпикура, высшее наслаждение и условие возможности всех прочих удовольствий – безмятежность – *ἀταραξία*, поэтому бездействие и праздность необходимы для достижения эпикурейского совершенства (ср. у Сенеки в трактате для нас, о чем мы с тобой здесь ведем речь, одинаково призывают и стойки и Эпикур, а именно: презирать обиды и то, что я назвал бы тенью обид и безосновательным подозрением – оскорбления; чтобы презирать эти последние, достаточно быть даже не мудрецом, а мало-мальски здравомыслящим человеком⁴⁹, который мог бы сказать себе так: «По заслугам меня оскорбили или нет? Если по заслугам, то это не оскорбление, а справедливое суждение; если не по заслугам, то пусть краснеет тот, кто совершил несправедливость».

В самом деле, что такое это так называемое оскорбление? Кто-то пошутил насчет моей лысины или близорукости, насчет худобы моих ног или насчет моего роста. Что оскорбительного в том, чтобы услышать и без того очевидное? Один и тот же рассказ может рассмешить нас, если нас двое, и возмутить, если его слышит много народу; мы не позволяем другим заикнуться о том, о чем сами говорим постоянно; мы получаем удовольствие от шуток, когда они умеренны, и впадаем в ярость, когда они переходят известные границы.

17. Хрисипп⁵⁰ рассказывает, как возмутился один человек, когда другой назвал его холощеным морским бараном⁵¹. Мы видели, как плакал в сенате Корнелий Фид, зять Овидия Назона⁵², когда Корбулон⁵³ обозвал его ощипанным страусом; и ведь никакие несчастья, ранившие его нрав и портившие ему жизнь, не пошатнули его твердости и не заставили опустить голову; а такая глупая нелепица довела его до слез: вот насколько слабы становятся души,

покинутые разумом! Что обидного мы находим в том, что кто-то передразнивает наш выговор или походку, если кто-то преувеличенно изображает наш телесный или речевой недостаток? Как будто без них никто бы этого не заметил! Некоторые не выносят упоминания при них старости, седины и прочих вещей, о которых люди обычно молят богов. Иных выводит из себя разговор о проклятой бедности – но кому можно поставить ее в вину, кроме того, кто ее скрывает?

Ты отнимешь предмет для насмешки у дерзких на язык и слишком язвительных остроумцев, если, не дожидаясь их, сам над собой посмеешься.

Ватиний, человек, рожденный словно нарочно для возбуждения смеха и ненависти, был, как передают, отменно забавный и язвительный шут; он вечно сам смеялся над своими кривыми ногами и короткой шеей, избегая тем самым острого языка своих врагов, которых у него было больше, чем болезней, и в первую очередь, конечно, Цицерона. Но если на это был способен человек, разучившийся стыдиться, чей рот затвердел, изрыгая бесконечные потоки брани, то почему бы не суметь этого и тому, кто уже достиг кое-чего в изучении свободных наук и в попечении о мудрости?

Кроме того, не забывай, что здесь возможна особого рода месть – ты можешь отнять у обидчика все удовольствие от нанесенного оскорбления. Ты ведь слышал, как иногда восклицают: «Вот не повезло! До него, кажется, не дошло!» Ибо весь смысл оскорбления – в том, чтобы его почувствовали и возмутились. Ну и, наконец, твой насмешник когда-нибудь нарвется на равного себе, и ты будешь отомщен.

18. Говорят, что Гай Цезарь⁵⁴ отличался помимо прочих немалочисленных своих пороков каким-то удивительным сладострастием в оскорблениях; ему непременно нужно было на всякого повесить какой-нибудь обидный ярлык, при том что сам он представлял собой благодатнейший материал для насмешек: омерзительная бледность, выдающая безумие; дикий взгляд глубоко спрятанных под старческим лбом глаз; неправильной формы безобразная лысая голова с торчащими там и сям жалкими волосенками; прибавь к этому шею, заросшую толстенной щетиной, тонюсенькие ножки и чудовищно громадные ступни. Насмешки и оскорбления, которые он отпускал в адрес своих родителей и предков, я мог бы перечислять без конца; он оскорблял все сословия без разбора; но я остановлюсь сейчас лишь на тех случаях, которые впоследствии привели его к гибели.

Среди ближайших его друзей был Валерий Азиатик⁵⁵, муж отважный и гордый, от которого едва ли можно было ожидать терпеливого и спокойного отношения к оскорблениям. И вот на пиру, при большом собрании народа, Гай Цезарь начинает пенять ему самым громким голосом, что жена его нехороша в постели. Благие боги, это мужу-то такое выслушивать! Это принцепсу-то такое знать! Это до чего же должен дойти разврат, чтобы принцепс рассказывал о своем прелюбодеянии и о своей неудовлетворенности – кому? – самому мужу! Да ведь не просто мужу, а консуляру, и не просто консуляру, а лучшему другу!

Иначе вышло с Хереей, военным трибуном; у него был тоненький нежный голос, не соответствовавший его руке и способный внушить подозрение всякому, кто не знал его в деле. Когда он спрашивал Гая, какой назначить пароль, тот всегда называл ему то Венеру, то Приапу, всякий раз на новый лад издеваясь над воином как над распутником; сам он при этом обычно так и сиял, весь покрытый золотом, обутый в сандалии⁵⁶. Так он заставил Херею взяться за оружие, чтобы не просить больше пароля! Херея первым из заговорщиков нанес удар, сразу перерубив шею; за ним тотчас посыпалось множество ударов мечей, мстивших за личные и общие обиды, однако первым был муж, который менее всех таковым казался, женственный Херея.

При этом тот же Гай принимал за оскорбление любой пустяк, как это чаще всего и бывает: чем больше человек склонен обижать других, тем хуже он сам переносит обиды. Так,

он впал в ярость, когда Геренний Макр, здороваясь, назвал его Гаем, и наказал примипилярия⁵⁷, назвавшего его Калигулой: он ведь родился в лагере и рос среди легионов, так что солдаты звали его обычно Калигулой⁵⁸, ибо он не сумел стать им ближе под каким-нибудь другим именем; однако, став взрослым и возвысившись до котурнов⁵⁹, он стал, видимо, считать Калигулу позорной и бранной кличкой.

И вот что, кстати, может послужить нам утешением: если мы будем снисходительны и не станем мстить, то все равно найдется кто-нибудь, кто накажет нашего высокомерного, наглого и насмешливого обидчика, ибо это пороки такого свойства, что никогда не могут ограничиться одним человеком и одним оскорблением.

Обратимся, однако, к тем, чье превосходное терпение должно служить нам образцом. Сократ совершенно добродушно принимал все остроты на свой счет в комедиях, которые публиковались и представлялись зрителям в театре⁶⁰; слушая их, он смеялся не меньше, чем когда жена Ксантиппа обливала его помоями. Антисфена укоряли происхождением: мол, мать его варварка из Фракии; он же отвечал, что и у богов мать – с Иды⁶¹.

19. Не надо вмешиваться в ссоры и драки. Надо подальше уносить ноги и не обращать внимания, когда их затевают люди неразумные. Пусть чернь воздаст нам почести или поносит – нам должно быть безразлично. Не следует ни огорчаться первому, ни радоваться второму; в противном случае, опасаясь оскорблений или обидевшись, мы забросим необходимые общественные и частные обязанности и, по-женски заботясь лишь о том, как бы не услышать чего-либо неприятного, упустим многое благодетельное. Иногда, обидевшись на кого-то из власть имущих, мы скрываем наш гнев подчеркнуто вольным и независимым обращением. Но мы ошибаемся: свобода – не в том, чтобы никогда не становиться жертвой обиды или насмешки. Свобода – в том, чтобы поднять свой дух на недосыгаемую для любых обид высоту; чтобы сделать самого себя единственным источником всех своих радостей, а все внешнее удалить от себя; в противном случае жизнь наша пройдет в непрерывном беспокойстве и мы станем дрожать от страха перед любым насмешливым языком.

Нет человека, не способного оскорбить; кого же тогда можно не бояться? Дабы защитить себя, мудрец и тот, кто пока лишь стремится к мудрости, будут прибегать к разным средствам. Тому, кто еще не достиг совершенства и продолжает ориентироваться на общественное суждение, следует помнить, что они обречены жить среди сплошных обид и оскорблений; всякое зло переносится легче, если его предвидели заранее. Чем более высокое положение занимает человек, будь то происхождение, добрая слава или наследственное имение, тем мужественнее он должен себя вести; пусть помнит, что высокое воинское звание обязывает стоять в первом ряду. Пусть переносит оскорбления, бранные слова, позор и прочее бесчестье как боевой клич неприятеля, как пущенные издалека стрелы и камни, свистящие возле шлема, не причиняя вреда; на обиды же пусть смотрит как на раны, ломающие его оружие и пронзающие грудь, но не позволяющие не только отступить ни на шаг, но хотя бы поколебаться. Даже если враг нажимает и теснит тебя со всех сторон, отходить – позорно; сохраняй назначенное тебе природой место. Ты спросишь, что это ваше место? Место мужа.

У мудреца род защиты совсем иной, даже, пожалуй, противоположный: ведь вы в разгаре боя, а он давно одержал победу. Не сопротивляйтесь же собственному благу; питайте в душах ваших надежду добраться до истины; воспринимайте благотворные поучения с охотой и помогайте им собственным убеждением и молитвой. Государство рода человеческого стоит благодаря тому, что есть нечто непобедимое, есть некто, перед кем фортуна бессильна.

Марк Аврелий

Наедине с собой Размышления

Книга первая

1

Деду Веру¹ я обязан сердечностью и незлобивостью.

2

Славе родителя² и оставленной им по себе памяти – скромностью и мужественностью.

3

Матери³ – благочестием, щедростью и воздержанием не только от дурных дел, но и от дурных помыслов. А также и простым образом жизни, далеким от всякого роскошества.

4

Прадеду⁴ – тем, что не⁵ посещал публичных школ, пользовался услугами прекрасных учителей на дому и понял, что на это не следует щадить средств.

5

Воспитателю⁶ – тем, что не интересовался исходом борьбы между Зелеными и Голубыми или между гладиаторами фракийского и галльского вооружения, что выносив в трудах, довольствуюсь малым, не поручаю своего дела другому, не берусь за множество дел и невосприимчив к клевете⁷.

6

Диогнету⁸ – нелюбовью заниматься пустяками и неверием в рассказы чудотворцев и волшебников о заклинаниях, изгнании бесов и тому подобных вещах, тем, что не разводил перепелов⁹ и не увлекался ничем подобным, и тем, что меня не выводит из себя свободное

слово, что я отдался философии и слушал вначале Евтихия, затем Андрона и Мециана¹⁰, уже ребенком писал диалоги и почувствовал влечение к простому ложу, звериной шкуре и прочим принадлежностям греческого образа жизни¹¹.

7

Рустуку¹² – тем, что пришел к мысли о необходимости исправлять и образовывать характер, не проникся духом софистики, не занимался сочинительством теорий, не держал увещательных речей, не разыгрывал напоказ ни страстотерпца, ни общего благодетеля, не увлекался ни риторикой, ни поэтикой, ни краснобайством, не разгуливал дома в столе¹³ и не делал ничего подобного. Благодаря ему я пишу письма без всяких затей, вроде того, которое он сам написал моей матери из Синуессы¹⁴, всегда готов примириться с оскорбителями и обидчиками, лишь только они сделают первый шаг, вникаю во все, что приходится читать, не довольствуясь поверхностным образом, не соглашаюсь тотчас же с людьми, сыплющими словами, и благодаря ему же я познакомился с воспоминаниями об Эпиктете¹⁵, которыми он ссудил меня из своей библиотеки.

8

Аполлонию¹⁶ – свободой и решимостью и тем, что неуклонно не взираю ни на что, кроме как на разум, и всегда остаюсь себе верным, при жестокой боли, при потере ребенка, в опасной болезни. Благодаря ему я на живом примере ясно увидел, что в одном и том же лице величайшая настойчивость может ужиться со снисходительностью, благодаря ему я не выхожу из себя, когда приходится растолковывать что-либо; видел человека, который уменье и сноровку в передаче познаний почитал наименьшим из своих достоинств, и понял, каким образом следует принимать от друзей так называемые услуги, не оставаясь в вечном долгу из-за них, но и не оставляя их равнодушно без внимания.

9

Сексту¹⁷ – благожелательностью, образцом дома, руководимого отцом семейства, решением жить согласно природе, безыскусственной серьезностью, заботливым отношением к друзьям, запасом терпения в отношении к людям невежественным и опрометчиво судящим¹⁸ и уменьем со всеми ладить: общение с ним было приятнее всякой лести, и в то же время он пользовался у этих людей величайшим уважением. Он учил меня с пониманием и методически отыскивать и располагать необходимые для жизни основоположения, не высказывать признаков гнева или какой-либо другой страсти, но сочетать любвеобилие с полнейшей свободой от страстей, пользоваться доброй славой, не вызывая шума, и обладать большими познаниями, не выставляя их напоказ.

10

Александру Грамматику¹⁹ – воздержанием от упреков и обидных замечаний по адресу людей, обмолвившихся каким-либо варварским, ошибочным или неблагозвучным выражением: в подобных случаях я, следуя ему, стараюсь употребить правильное выражение в форме

ли ответа, подтверждения, совместного исследования самого предмета, а не оборота речи, или же посредством какого-либо другого уместного приема напоминания.

11

Фронто²⁰ – пониманием того, каковы злорадство, коварство и лицемерие, присущие тирании, и того, насколько вообще черствы душой люди, слывущие у нас аристократами.

12

Александру Платонику²¹ – тем, что не часто и не без необходимости ссылаюсь на недосуг как в разговоре с кем-нибудь, так и в письмах и не пренебрегаю, таким образом, постоянно, под предлогом неотложных дел, обязанностями по отношению к ближним.

13

Катуллу²² – тем, что не оставляю без внимания жалобы друзей, даже если они неосновательны, но стремлюсь по возможности все уладить по-прежнему, что от чистого сердца воздаю хвалу учителям, как это делали, судя по воспоминаниям, Домиций и Атенодот²³, а также истинной любовью к детям.

14

Брату моему Северу²⁴ – любовью к домашним, к истине и справедливости, знакомством, через его посредство, с Тразеем, Гельвидием, Катонем, Дионом и Брутом²⁵, представлением о государстве с равным для всех законом, управляемом согласно равенству и равноправию всех, и царстве, превыше всего чтущем свободу подданных. Ему же я обязан и тем, что неизменно чту философию, делаю добро, постоянен в проявлениях щедрости, исполнен благих надежд и верю в любовь со стороны друзей. Осуждая кого-нибудь, он не скрывал этого, а его друзьям не приходилось догадываться, чего он хочет или не хочет, но это всем было ясно.

15

Максиму²⁶ – самообладанием, настойчивостью, бодростью в болезнях и других невзгодах, уравновешенностью, мягкостью и достоинством характера, рвением в исполнении стоящих на очереди дел; что бы он ни говорил, все верили, все верили в его искренность, что бы ни делал – в отсутствие злого умысла. Ему же я обязан тем, что ничему не удивляюсь и ничем не поражаюсь, ни в чем не проявляю ни спешки, ни медлительности, ни растерянности, ни уныния, ни злорадства, ни гнева, ни мнительности, и тем, что предан добру, готов отпустить обиду, чуждаюсь лжи, предпочитаю верность своему долгу последующему исправлению, соблюдаю благопристойность и в шутках: никто не считал себя презираемым им, но никто не решался и счесть себя выше его.

16

Отцу своему²⁷ – кротостью и непоколебимой твердостью в решениях, принятых по зрелом обсуждении, отсутствием интереса к мнимым почестям, любовью к труду и старательностью, внимательным отношением ко всем, имевшим внести какое-либо общепользное предложение, неуклонным воздаванием каждому по его достоинству, знанием, где нужны меры строгости, а где кротости, искоренением любви к мальчикам, преданностью общим интересам. Он разрешил своим друзьям даже вовсе не присутствовать на его обедах и не принуждал их сопровождать его в путешествиях. Если кто отлучался по делам, то, возвращаясь обратно, находил его расположенным к себе по-прежнему. Во время совещаний он настаивал на исследовании всех обстоятельств дела и не спешил положить конец обсуждению, довольствуясь первым встретившимся решением. Он старался сохранить своих друзей, не меняя их по капризу, но и не обнаруживая к ним чрезмерного пристрастия. Уверенность в своих силах и бодрость были его постоянными спутниками. Он предвидел отдаленные события и предусматривал самые ничтожные обстоятельства, не кичась этим. Угодливость и вообще всякая лесть были ему противны. Он всегда был на страже государственных нужд и бережно тратил общественные средства, не боясь упреков за это. Ему были равно чужды как суеверие по отношению к богам, так и заискивание и угождение по отношению к людям или потакание черни, – наоборот, трезвость, положительность, благопристойность, постоянство были его отличительными свойствами. Что касается вещей, которые красят жизнь и которыми судьба одарила его в изобилии, то он пользовался ими без тщеславия, но и без скупости, так что, пользуясь беспритязательно тем, что имелось налицо, он не нуждался в том, чего не было. Никто не мог про него сказать, что он софист, болтун или педант, но всякий должен был признать в нем человека зрелого, совершенного, недоступного лести, способного устроить и свои дела, и чужие. Кроме того, он умел ценить истинных философов, к остальным же относился без пренебрежения, хотя и не давался им в обман. Отличаясь приветливостью, он не прочь был и пошутить, но никогда не переходил границ. Он заботился должным образом и о своем теле, не как человек, цепляющийся за жизнь, не стремясь к внешней красоте, но и не оставляя его в небрежении; своим вниманием к нему он имел в виду достичь того, чтобы возможно менее нуждаться во врачебном искусстве или же во внутренних и наружных лекарствах. Но особенно замечательна та готовность, с которой он признавал превосходство людей, приобретших особую авторитетность в какой-нибудь области, например в красноречии, познании законов, нравов или еще чего-нибудь; он даже прилагал все усилия, чтобы каждый из них получил известность в меру своих дарований. Во всем блюдя заветы отцов, он в то же время даже не старался казаться следующим им. Кроме того, ему были чужды непостоянство и непоседливость, и он подолгу оставался в одних и тех же местах и при одних и тех же занятиях. После жестоких припадков головной боли он как ни в чем не бывало со свежими силами принимался за обычные дела. Секретов у него было очень мало, да и те относились только к общественным делам. В устройстве зрелищ, возведении зданий, в своих щедротах и тому подобном он проявил благоразумие и умеренность.

Во всяком поступке его занимало только должное, а не добрая слава, сопутствующая такому поступку. Он не пользовался банями в неурочное время, не увлекался постройкой зданий, был непритязателен в вопросе о еде, о ткани и цвете одежд, о красоте рабов. Обыкновенно в Лориуме он носил столу, изготовленную в соседней деревне, в Ланувиуме по большей части ходил одетым в хитон, в Тускулане же носил плащ, считая нужным извиняться в этом, – и таков он был во всем²⁸. Не было в нем ничего грубого, непристойного, необузданного, ничего такого, что позволило бы говорить об «усердии не по разуму»; наоборот, он все обсуждал во всех подробностях, как бы на досуге, спокойно, держась известного порядка, терпеливо, сообразу-

ясь с самим делом. К нему вполне можно было бы применить то, что повествуется о Сократе: он мог именно и воздерживаться, мог и пользоваться всем тем, относительно чего большинство людей бессильно в воздержании и неумеренно в пользовании²⁹. Но проявлять в одном случае терпение, в другом – воздержание, в третьем – трезвость суждения достойно человека, обладающего душою совершенной и непреклонной. Именно таким показал он себя во время болезни Максима.

17

Богам – тем, что у меня хорошие деда, хорошие родители, хорошая сестра, хорошие учителя, хорошие домочадцы, родственники, друзья, почти все окружающие, и тем, что мне не пришлось обидеть никого из них, хотя у меня такой характер, при котором я при случае и мог сделать что-нибудь подобное; но по милости богов не было такого стечения обстоятельств, которое должно было бы меня обличить. Им же я обязан и тем, что недолго воспитывался у наложницы деда и что сохранил в чистоте свою юность, не возмужал раньше времени, а даже запоздал в этом отношении. Богов я должен благодарить и за то, что моим руководителем был государь и отец, который хотел искоренить во мне всякое тщеславие и внедрить мысль, что и живя при дворе можно обходиться без телохранителей, без пышных одежд, без факелов, статуй и тому подобной помпы, но вести жизнь весьма близкую к жизни частного человека, не относясь поэтому уже с пренебрежением и легкомыслием к обязанностям правителя, касающимся общественных дел. Их же я должен благодарить, далее, за то, что у меня был брат³⁰, который своим характером мог подвигнуть меня на заботу о самом себе и который в то же время доставлял мне радость своим уважением и любовью ко мне; за то, что мои дети не были обижены ни в умственном, ни в физическом отношении, и за то, что я не сделал больших успехов ни в риторике, ни в поэтике, ни в других занятиях, которым, быть может, я бы посвятил себя, если бы знал за собой большую успешность. Богам я обязан и тем, что безотлагательно взыскал своих воспитателей теми почестями, которых они, по-видимому, добивались, а не ласкал их только надеждою, что сделаю это впоследствии, так как сейчас они еще молоды, и тем, что познакомился с Аполлоном, Рустиком, Максимом. Я часто думал о жизни, согласной с природой, и ясно представлял себе, какова она. Боги, со своей стороны, сделали все своими дарами, помощью и внушением, чтобы я мог беспрепятственно жить согласно природе, и если я не жил так, то по своей вине и потому, что не следовал их указаниям и чуть что не прямым наставлениям, – за это я также должен быть признателен богам, равно как и за то, что при такой жизни мое тело не отказалось мне служить до сих пор, и за то, что избег сближения с Бенедиктой и Феодотом³¹, да и впоследствии быстро исцелялся от любовных увлечений; за то, далее, что, часто сердясь на Рустика, не сделал ничего такого, в чем бы пришлось потом раскаиваться, и за то, что моя мать, которой суждено было умереть молодой, последние годы провела со мною. Благодарение богам и за то, что не было такого случая, чтобы я хотел помочь бедному или же вообще нуждающемуся, но должен был отказаться от этого за неимением средств, и за то, что сам никогда не был в такой нужде, чтобы быть вынужденным брать у других, и за то, что у меня такая преданная, любвеобильная, откровенная жена³²

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.